

ДИВЕЕВСКАЯ
ТАЙНА
И ПРЕДСКАЗАНИЯ
О ВОСКРЕСЕНИИ РОССИИ
СЕРАФИМ САРОВСКИЙ ЧУДОТВОРЕЦ

АРГУМЕНТЫ
И ФАКТЫ

В. А. Ластовкина
Дивеевская тайна и предсказания о
Воскресении России. Преподобный
Серафим Саровский Чудотворец (сборник)
Серия «Великие тайны истории»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=14653779

Дивеевская тайна и предсказания о Воскресении России. Преподобный Серафим Саровский
Чудотворец (сборник): Вече; Москва; 2010
ISBN 978-5-4444-0251-1, 978-5-4444-8109-7, 978-5-9533-5305-2

Аннотация

Родной и близкий каждому русскому православному человеку святой, самый сердечный и добрый помощник из всего благодатного сонма святых, в Земле Российской просиявших, – вот кто такой Преподобный Серафим Саровский. В эту книгу о нем вошло пространное жизнеописание Преподобного, составленное замечательным церковным публицистом Евгением Николаевичем Погожевым (1870–1931), который публиковался под псевдонимом Евгений Поселянин и чьи статьи и книги во многом открыли широкому читателю мир русского старчества. В книгу вошли также и фрагменты из «Дивеевской летописи». Это удивительно искренние свидетельства о Преподобном Серафиме и о том непостижимо прекрасном явлении православной русской культуры, которую называют «Дивеевской святостью».

Содержание

Дивеевская тайна и предсказания о воскресении России	5
Великая дивеевская тайна	7
Тропарь Преподобному Серафиму, глас 4	8
Молитва Преподобному Серафиму	9
Е. Поселянин	10
Весть о прославлении старца Серафима Саровского	10
I	10
II	11
III	12
Жизненный подвиг старца Серафима Саровского	15
Кончина праведных и последние дни земной жизни старца Серафима (2 января 1833–1903 гг.)	44
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Дивеевская тайна и предсказания о Воскресении России. Преподобный Серафим Саровский Чудотворец

© ООО «Издательский дом «Вече», 2010

* * *

Дивеевская тайна и предсказания о воскресении России

Во славу Пресвятой, Пречистой, Преславной, Пренепорочной, Преблагословенной Богородицы Девы Марии издается сей труд

12 раз посетила Царица Небесная Преподобного Серафима Саровского при его жизни. Рекла Преблагословенная:

«Сей от рода нашего», а другой раз: «Не оставь дев моих (Дивеевских)». Старец отвечал: «О, Владычице, я собираю их. Но сам собою не могу их управить». Царица Небесная сказала: «Я тебе, любимиче Мой, во всем помогу. Кто обидит их, тот будет поражен от Меня. Кто послужит им ради Господа, тот помяновен будет перед Богом». Благословляя старца, Владычица произнесла: «Скоро, любимиче Мой, будешь с нами»...

Много чудного о будущей судьбе Дивеева говорил святой Преподобный Серафим.

В этой книге собран весь материал: 1) В начале мы поместили текст книги Е. Поселянина, начиная с 17-й страницы. 2) После помещен материал, взятый из книги «Дивеевская летопись», а также из книги о прославлении Преподобного Серафима Саровского. Книги были изданы в 1903 г.

Сама Владычица неба и земли, Матерь Божия, определила и освятила Дивеевскую обитель как Свой Четвертый Удел на земле.

Глаголы Жизни Вечной – святого Евангелия учат нас не ужасаться, когда мы услышим о войнах и военных слухах, ибо всему тому надлежит быть. В скором времени мир будет этим потрясен и, как предсказывал еще в Царское время старец Аристоклий, – Россия освободится от ига богоборческой власти. Ее правление придет к первоначальному, т. е. к монархии. Прежде же этого будет страшная война, преследование верующих и многое другое.

Тогда за стойкое хранение Православия Господь пошлет великую радость, и на Родине нашей снова восстановится Царство Православное. Тогда исполнятся пророчества Преподобного Серафима, что Дивеево будет Единая Лавра в России, что когда будет Собор, то московский колокол Иван Великий придет в обитель и что будет четверо мощей. Наверно, к этому времени относится и прославление подвижницы Елены Васильевны Мантуровой, которую Преподобный Серафим называл великой госпожой и мощи коей должны быть нетленны. Предсказано и об Антихристе, и о том, что только избранные, т. е. хранящие Божий завет, будут спасены в Дивеево, ибо врата ада не одолеют этой последней святой обители.

Весь этот материал читатель найдет в I и II частях этой книги.

Дай Бог, чтобы страницы этой книги согрели сердца читающих беспредельной любовью ко Господу и Царице Небесной – согрели бы той самой безграничной тихой и теплой любовью, какой сиял великий и дивный старец Преподобный Серафим. Издана эта книга и для того, чтобы заветы Царицы Небесной, невидимо пекущейся о Дивеевских подвижниках, не были забыты и были строго соблюдаемы при восстановлении этой чудной обители.

Преподобный отче Серафиме, великий Саровский чудотворче, и Вы, великия подвижницы Александра, Елена, Мария и другие, в Дивеево просиявшие, и Вы, отче Василие, и Михаиле, и Николае, вместе с бесчисленным ликом новомучеников Российских, совершите святую молитву у Престола Господа Славы о помиловании отечества нашего, и за весь русский народ, и за тех, кто трудился над этой книгой, чтобы быть нам верными Истине до последнего нашего вздоха и, по милости Божией, ради предстательства Царицы Небесной, исправить жизнь нашу и получить удел в Царствии Небесном.

Редактор

Протодиакон Никита Чакиров

31 января/13 февраля 1980 г.

Свят. Никиты Печерского, еп. Новгородского и св. безср. чуд. Кира и Иоанна

Великая дивеевская тайна

В другом месте записок Мотовилова обретена была мною и следующая ВЕЛИКАЯ ДИВЕЕВСКАЯ ТАЙНА:

«Неоднократно, – так пишет Мотовилов, – слышал я из уст великого Угодника Божия, Старца о. Серафима, что он плотью своей в Сарове лежать не будет. И вот однажды осмелился я спросить его:

– Вот вы, Батюшка, все говорить изволите, что плотию вашею вы в Сарове лежать не будете. Так нешто вас Саровские отдадут?

На сие Батюшка, приятно улыбнувшись и взглянув на меня, изволил мне ответить так:

– Мне, ваше Боголюбие, убогому Серафиму, от Господа Бога положено жить гораздо более ста лет. Но так как к тому времени архиереи так онечестивятся, что нечестием своим превзойдут архиереев греческих во времена Феодосия Юнейшего, так что главнейшему догмату веры Христовой и веровать уже не будут: то Господу Богу благоугодно взять меня, убогого Серафима, до времени от сея привременной жизни и посем воскресить, и воскресение мое будет, аки воскресение седми отроков в пещере Охлонской во дни Феодосия Юнейшего».

«Открыв мне, – пишет далее Мотовилов, – сию великую и страшную тайну, великий Старец поведал мне, что по воскресении своем, он из Сарова перейдет в Дивеев и там откроет проповедь всемирного покаяния. На проповедь же ту, паче же на чудо воскресения, соберется народу великое множество со всех концов земли, Дивеев станет Лаврой, Вертьяново – городом, а Арзамас – губернией. И проповедуя в Дивеево покаяние, Батюшка Серафим откроет в нем четверо мощей, и, по открытию их, сам между ними ляжет. И тогда вскоре настанет и конец всему».

Такова великая Дивеевская благочестия тайна, открытая мною в собственноручных записях Симбирского Совестного Судьи, Николая Александровича Мотовилова, сотаинника великого прозорливца, чина пророческого, Преподобного и Богоносного Отца нашего Серафима, Саровского и всея России Чудотворца.

В дополнение же к тайне этой вот что я слышал из уст 84-летней Дивеевской игумении Марии. Был я у нее в начале августа 1903 года, вслед за прославлением Преподобного Серафима и отъездом из Дивеева Царской Семьи. Поздравляю ее с оправданием великой ее веры (матушка, построив Дивеевский собор, с 1880 года не освящала его левого предела, веруя, согласно Дивеевским преданиям, что доживет до прославления Серафима и освятит предел в святое его имя); поздравляю ее, а она мне говорит:

– Да, мой батюшка, Сергей Александрович, велие это чудо. Но вот будет чудо так чудо, – это – когда крестный то ход, что теперь шел из Дивеева в Саров, пойдет из Сарова в Дивеево, «а народу-то, как говаривал наш Угодничек-то Божий Преподобный Серафим, что колосьев будет в поле. Вот то-то будет чудо чудное, диво дивное».

– Кто доживет, тот увидит, – ответила мне игумения Мария, пристально на меня взглянув и улыбнувшись.

Это было мое последнее на земле свидание с великой носительницей Дивеевских преданий, той 12-й начальницы, «Ушаковой родом», на которой, по предсказанию Преподобного Серафима, и устроился, с лишним 30 лет после его кончины, Дивеевский монастырь, будущая Женская Лавра.

Через год после этого свидания игумения Мария скончалась о Господе.

С. А. Нилус

Тропарь Преподобному Серафиму, глас 4

От юности Христа возлюбил еси, блаженне, и Тому Единому работати пламенне
вождеlev, непрестанною молитвою и трудом в пустыни подвизался еси, умиленным же серд-
цем любовь Христову стяжав, избранник возлюблен Божия Матере явился еси. Сего ради
вопием ти: спасай нас молитвами твоими, Серафиме, преподобне отче наш.

Молитва Преподобному Серафиму

О великий угодниче Божий, преподобне и Богоносне отче наш Серафиме! призри от горния славы на нас смиренных и немощных, обремененных грехми многими, твоя помощи и утешения просящих. Приникни к нам благосердием твоим и помози нам заповеди Господни непорочно сохранить, веру православную крепко содержать, покаяние во гресех наших усердно Богу приносить, во благочестии христианством благодатно преуспевати и достойны быти твоего о нас молитвеннаго к Богу предстательства. Ей, святче Божий, услыши нас, молящихся тебе с верою и любовью, и не презри нас, требующих твоего заступления: ныне и в час кончины нашей помози нам, и заступи нас молитвами твоими от злобных наветов диавольских, да не обладает нами та сила, но да сподобимся помощью твою наследовати блаженство обители райския. На тя бо упование наше ныне возлагаем, отче благосердый: буди нам воистинну ко спасению путевождь и приведи нас к невечернему Свету жизни вечныя Богоприятным предстательством твоим у Престола Пресвятыя Троицы, да славим и поем со всеми святыми достопоклоняемое имя Отца и Сына и Святаго Духа во веки веков. Аминь.

Е. Поселянин

Преподобный серафим

Весть о прославлении старца Серафима Саровского

I

Итак, это долгожданное событие близко...

В скором времени в великой, незаходимой славе промчится по России, по всему православному миру, по всему – может быть – христианству имя отца Серафима.

И труднопередаваемые впечатления восторга, умиления, счастья, радостного ожидания переживают те, кто привык уже давно любить и чтить его, считать его дивным чудотворцем.

Да, отец Серафим, о котором еще так мало знает наше образованное общество, был одним из самых замечательных людей не только XVIII и XIX веков, которые он озарил сиянием своей праведной души, но и всех веков христианства.

Возьмите время расцвета подвигов наиболее высоких в аскетизме великих египетских отцов, прибавьте к этому ту глубокую задушевность, какую отмечены в большинстве случаев личности наших преподобных; представьте себе человека, уже на земле живущего как бы вне плоти, небесною жизнью; человека, для которого уже как бы упразднились условия, связывающие других людей, – которому возвращены все те дары, что при конце мироздания обильно были уделены Богом первому, богоподобному, человеку; представьте себе человека, словом одним исцеляющего застарелые, тяжкие недуги, человека, пред взором которого одинаково обнажено неведомое будущее и сокровенное прошлое, которого видят то ходящим над землею, то поднимающимся на воздух во время молитвы, как некогда Мария Египетская в пустыне. Представьте душу, сжигаемую огнем любви Божественной и в то же время расширяемую самым безграничным, греющим, трогательным сочувствием к людям; душу, возвышавшуюся еще на земле до созерцания самых великих тайн Божества, какие лучшим и праведнейшим людям откроются лишь за заветною гранью, в иной жизни; представьте человека, для которого мир надземный был родным, своим; к которому, окруженная несказанною славой, Владычица мира сходилась для беседы, как с близким человеком; одним словом, представьте себе спустившееся на землю торжествующее небо, воплотившуюся самую смелую, дерзновенную мечту о том, как далеко в земных условиях может пойти победа духа; представьте себе слетевшего к людям, на утешение им, «пламенного» серафима, представьте себе высшее, совершеннейшее, прекраснейшее выражение того сложного понятия, какое определяется словом «святой», – и вы получите приблизительный намек на то, чем был здесь, на земле, отец Серафим.

О, как отраднo и легко его любить! И как сам он деятельно и легко любил!

Одно из величайших утешений для живущих в Церкви заключается в том, что они находятся в живом общении со светлым сонмом святых. Им молятся, им открывают душу. И святые внемлют их молитвам откликаются на них. Сознательно и тепло верующий христианин поймет, что к каждому из святых, для него близких, у него особое, личное отношение. У всякого святого свои дары, свои способы проявлять свое попечение о тех, кто зовет их. Как эти выдающиеся люди при земной жизни своей имели каждый яркоочерченную, цельную и отличную от других личность, как и в новом виде своего бытия все особенности их

личностей столь же ярки. И именно сила этих личностей, воздействие их на верующих, размер, так сказать, проявляемой ими заботы о верующих и вызывает ту или другую форму почитания их, то или другое напряжение усердия к ним.

Ведь самое прославление святых начинается с того, что они видимым, осязательным образом проявляют «жизнь свою по смерти», являясь к людям с помощью, утешением и исцелением, причем одни из этих людей чтили и призывали их, другие же ничего и не слышали о них.

И вот, в этих явлениях их, в тех словах любви и милосердия, которые они произносят, — познается характер святых, причем впечатление от этих действий их, перешедших в мир бесплотный, усиливается и как бы сливается с впечатлением, произведенным их жизнью.

II

Земными подвигами своими отец Серафим оставил по себе неувядаемую память безграничной духовной крепости. Трудно назвать хоть кого-нибудь, кто бы мог сравниться с отцом Серафимом в его трудах: трудно назвать кого-нибудь не только из современников его, но и вообще из всех известных святых. Он один понес на себе труды пустынножительства, затворничества, старчества. Его кротость умиляла до слез приходивших к нему. Смирению его не было границ. Всякого посетителя, богатого барина и нищего, праведника и грешника, изболевшего грехами, он целовал, кланялся до земли и, благословляя, целовал ему руки. Речи его дышали проникающею, тихою, живительною властью. Они согревали заглодевшие в жизни сердца, снимали завесу с глаз, озаряли ум, приводили к раскаянию и, чудною силой охватывая разум и волю, осенили душу человека тишиной. Целым откровением, живым и мощным доказательством бытия духовного мира был ясный, покоряющий вид его, как яркий луч солнца, засиявший в темноте жизни.

Толпы народа неотступно притекали к старцу в последние годы его жизни, когда в некоторые дни число посетителей его доходило до 2000 в сутки. Заживо народ признал его святым и чудотворцем. А этот истинный последователь Христов до последних дней до того угнетал себя вольными страданиями, что без ужаса нельзя было смотреть на его жизнь, без ужаса нельзя и теперь вспомнить о муке его.

Он был гениальный человек, с ясным, метким, широким, основательным умом, счастливою памятью, творческим, живым воображением. Это был великий дух в тонком, необыкновенно прекрасном теле.

Современники радовались на него и утешались им.

Известный жизнью своею игумен Глинской пустыни Филарет в день кончины отца Серафима, выходя с братиею от утрени, указал братии на необыкновенный свет, видимый в небе, и произнес: «Вот, так отходят души праведных. Ныне в Сарове душа отца Серафима возносится на небо».

Вскоре после кончины отца Серафима известный высокою жизнью своею, один из наиболее выдающихся подвижников XIX века, архиепископ Воронежский Антоний говорил:

«Мы как копеечные свечи. А он как пудовая свеча всегда горит пред Господом как прошедшею своею жизнью на земле, так и настоящим дерзновением пред Святою Троицею».

Кончилось для него земное странствование. Настала небесная слава. И что же, в каком образе предстает он теперь людям?.. Та же кротость, та же любовь. Тем же ласковым словом зовет он людей, как звал их на земле: «Радость моя!»

«Я пришел навестить своих нищих. Давно здесь не был», — говорил он в 1858 году, явившись для исцеления Дивеевской инокини Евдокии.

«Радость моя, — говорит он, явившись Саровскому монаху, впавшему в уныние, — я всегда с тобою. Мужайся, не унывай!»

Вот он является во сне Шатской (город Шацк) купчихе Петаковской, знавшей его при жизни, и говорит: «В ночь воры подломили лавку твоего сына. Но я взял метелку и стал мести около лавки, и они ушли».

«Сын твой выздоровеет и испытание в науках выдержит!» – говорит он, явившись во сне в 1864 году в Петербурге г-же Сабанеевой, у которой сын заболел пред экзаменом в Горный институт.

«Что ты все плачешь, – говорит он монахине Понетаевского монастыря Афанасии, придя к ней в белом балахончике и камилавке и севши на постели больной. – Что все плачешь, радость моя... Все те спасутся, которые призывают имя мое!»

«Простая и добросердечная!» – говорит он одной знатной, тяжело больной барыне, войдя к ней неожиданно ночью, с открытой головой, в белом балахончике, с медным крестом на груди.

«Мир дому сему и благословение!» – говорит он в 1865 году пред Рождеством, входя в виде безывестного, седого, согбенного странника в дом г-жи Бар., где, по обычаю, раздавали пособия нуждающимся.

– Ты за подаванием? – спрашивает его раздатчица.

– Нет, не за тем. Мне ничего не надо. А только видеть вашу хозяйку и сказать ей два слова.

– Хозяйки нет дома. Что передать, скажи нам?

– Нет, мне надо самому.

Одна из прислуги шепнула другой:

– Что ему тут? Пусть идет – может, бродяга какой. А старичок сказал:

– Когда будет хозяйка, я зайду, я скоро зайду, – и вышел. Стало тогда раздатчице жаль старика, и она бросилась за ним на крыльцо. Но он исчез. От хозяйки это все скрыли. Подозрительной же слуге кто-то сказал во сне: «Ты напрасно говорила: у вас был не бродяга, а великий старец Божий».

На следующее утро г-жа Бар. получила с почты изображение чтимого ею отца Серафима. В этом изображении те, кто говорил накануне со старичком, узнали этого старичка.

Во все отношения свои к людям что-то бесконечно нежное, заботливое, материнское вкладывает отец Серафим, и эти сокровища сочувствия, эту безграничную отзывчивость уловит, отгадает в нем всякое верующее сердце, и привяжется к нему, насколько можно только привязаться.

Теперь отец Серафим станет широко известным, и все то, что таилось в нем сравнительно для немногих: для тысяч, десятков тысяч, – распространится и обнаружится на миллионы русских людей. И едва ли ошибочно будет сказать, что в привязанностях, в усердии народа отец Серафим займет одно из первых мест.

Конечно, он не имеет для России того великого политического значения, которым отмечена прижизненная и загробная деятельность величайшего из наших святых, игумена нашей земли, преподобного Сергия Радонежского.

Но как скорый помощник и покровитель, как надежда отчаивающихся, как неиссякаемый источник благодетельствий он, быть может, станет впоследствии известен повсюду – на Руси и в чужих краях – не менее, чем чтимый, согласно и трогательно не только всеми христианами всех исповеданий, даже отмечающими, как лютеране, святых, но и магометанами, язычниками – Николай Чудотворец.

III

Много величавых подвижников выставил из среды своей русский народ; и все то, что они на своем веку сделали, представляет собой изумительно-разнообразную сокровищницу.

вищницу нравственного богатства русского племени. И среди этих дивных людей все же довольно одиноким, довольно исключительным по мере трудов своих, по вдохновению своему, по достигнутой им – и очень еще мало кем – степени духовных вершин стоит старец Серафим. И человеку, много думавшему над жизнями святых, искавшему и в дальних, и в недавних веках следов сильных духовных настроений в русском быте, остается лишь трепетно изумляться отцу Серафиму. Ум немеет, сердце смущенно и радостно замирает, когда вдумываешься в его жизнь и, вдумываясь, видишь, куда благодать может вознести человеческое естество.

Уже высказав мысль о том, что старцу Серафиму не принадлежало и едва ли будет принадлежать та политическая роль, какую играли, например, в древности Преподобный Сергей и Святители Петр, Алексей, Филипп, Гермоген, в новейшее время митрополит Московский Филарет, остается добавить, что, как святой, действующий не разом на весь народ, повертывая жизнь историческую в то или иное русло, а на отдельные личности, – он будет иметь громадное значение.

Все, что человек ищет в человеке (а ведь и к святым мы обращаемся, лишь как к самым лучшим, добрым, чутким и сильным людям), все, чего недостает нам в живых людях, – все то совершенство любви, и заботы, и ласки найдет в нем всякий, кто уверует в отца Серафима, или кого он заставит уверовать в себя. Он на все откликнется, он все поймет и предусмотрит.

Как много говорит это слово «все». Ведь это «все» есть главное отличие явлений больших от огромных, исключительных, чрезвычайных талантов от гениев.

Лирика Пушкина, *на все* отзывавшегося, все вместившего и понявшего, и Лермонтов, о котором нельзя произнести это «все». Шекспир и Гёте, на все откликнувшиеся, так что нет, кажется, ни одного порядка чувств, ими не проникнутого, – и Шиллер, и Мольер, о которых этого сказать нельзя.

Так и отец Серафим – безграничный, в своем сердце, как те великие, в их области, вместившие в себе всю широту жизни; так и он, обнявший сочувствием своим весь бесконечный мир горя и страдания людского и несущий ему все необъятное величие своей любви.

Да, благодатная волна, что надвинется скоро на Русскую землю, собирается, скапливается теперь в Сарове. Какие неисчислимые тайны благодеяний, помощи, исцелений польются от гроба с мощами старца, – от гроба, придавленного теперь тяжелым, неуклюжим памятником и вскоре открывающегося всенародно.

От силы и свежести этой волны всколыхнется, подыметесь Русская земля...

И как прекрасна ты, Русь, когда, полная одним чувством, согласно подымаешься ты, когда все наносное, временное спадает с тебя, и стоишь ты, единственная, несравненная, в своей истинной сущности. И эти эпохи подъема твоего духа – как бы сторожевые столпы на многотрудном пути твоей истории...

Вот и теперь, когда умножились в тебе беззакония, охватила тебя душевная смута, еще раз прозвучит тебе в тех дивных явлениях, которые теперь готовятся, любящий призыв Божий.

Заслышав его, поймешь ли ты, что только в старых путях – в смирении и вере – лежит твое спасение и твоя судьба?..

Да, на предстоящее прославление отца Серафима, которое, как то внушает вера в величие старца, будет сопровождаться изумительными знамениями, нельзя смотреть иначе, как на новый призыв Божий.

Сколько религиозных сомнений в нашем обществе, как нуждается оно в чрезвычайных способах для того, чтобы поверить хоть «видевши»...

Ведь много людей жаждут веры – и не могут развить ее в себе. Сколько раз в беседах с такими людьми, надеясь на всепобеждающую, над всем торжествующую благодать Божию, приходилось заранее убеждать их ехать на открытие мощей отца Серафима, кото-

рое ожидалось верующими давно и с нетерпением. Конечно, там не будет ни отрицания, ни сомнений.

А потом в наши дни современным исстрадавшимся людям так нужны такие чудотворцы.

Жизнь становится все суровой и холодней; каждый все больше думает о себе, все более ограничивая сферу своих сочувствий.

Все болезненнее и болезненнее стон, несущийся к небу из стесненных жизнью грудей, и неутоленная жажда сочувствия, отклика, помощи все сильнее мучит человечество.

И вот забьет новый, могучий источник сострадания и утешения.

Слезы навертываются на глаза, когда подумаешь о том, что переживают теперь верные дети отца Серафима.

Эти, например, трогательные сестры Дивеевские, у которых один придел в их велико-лепном соборе стоит неосвященным, ожидая, когда его можно будет освятить во имя отца Серафима.

Что чувствуют те, кто чтит отца Серафима с любовью, как бы утеснявшую сердце, вырывавшуюся в пламенных прославлениях, в ласкательных восклицаниях к великому старцу! А такую любовью любили его многие. Какое же будет им счастье, когда придет светлый день прославления отца Серафима.

Несколько лет тому назад на этих страницах, делясь впечатлениями от поездки в Саров и Дивеев, пишущий эти строки говорил приблизительно так:

«Счастлив тот, кто теперь, прежде чем имя отца Серафима промчалось по Руси с трубным гласом, посетит Саров и Дивеев, пока тиха еще пустыня, пока не оглушают ее свистки поездов, переполненных спешащими на поклон богомольцами. Счастлив, кто теперь уверует в отца Серафима, не видев еще всей славы его – вера, которую Христос ублажил – и с усердием послужит ему».

Теперь эта возможность миновала. Саров становится общенародной святыней. К нему, отстоявшему на 100 слишком верст от железнодорожной сети, придвинулись железнодорожные пути. И по всей Руси скоро огласится имя старца.

И вместе с ликованием какая-то странная, сложная грусть закрадывается в тех, кто давно уже раньше с восторгом любил и поклонялся отцу Серафиму.

Грусть эта похожа на странное чувство, когда что-нибудь очень близкое, кровное, дорогое становится всеобщим достоянием.

Так в тайне грустит автор над успехом выброшенной в большую публику книги своей, в которую вложил всю душу, – грустит, вспоминая уединенные часы мук и восторгов творчества.

Так грустит отец при громе славы сына, ибо тогда нарушена тайна того исключительного чувства, того одинокого сознания и крепкой лишь самой собою веры, в которой столько теплоты и отрады.

Но что говорить об этих трудно уловимых оттенках чувства, когда, в общем, так безмерно светло и радостно, когда душе открылась область безоблачного, самого напряженного счастья!..

28 июля 1902 г.

Жизненный подвиг старца Серафима Саровского

В непродолжительном времени взоры всей верующей России будут привлечены к укрывшейся среди темного громадного соснового бора Саровской пустыни. Великое произойдет там торжество – прославление дивного старца Серафима, которого давно уже святым и чудотворцем нарекла народная молва.

И на этот раз сбылась мудрая пословица народная – «Глас народа – глас Божий». Великое усердие православных людей к памяти старца обратило на себя особое внимание Венценосного Вождя русского народа, Который, как сказано в появившемся о том правительственном сообщении, «разделяет веру народную в святость старца Серафима и его предстательство пред Богом за притекающих к нему с молитвою». Настал благословенный и все-радостный для чтущих память старца день 19 июля 1902 года – и Государю Императору в эту 142-ю годовщину рождения отца Серафима «благоугодно было вспомнить и молитвенные подвиги почившего и всенародное к памяти его усердие, и выразить желание, дабы доведено было до конца начатое уже в Святейшем Синоде дело о прославлении благоговейного старца».

Прославление отца Серафима будет одним из радостнейших событий, которые когда-либо переживала Православная русская церковь, потому что, как то видно из жизни старца на земле и из явлений и дел его после блаженной его кончины, велика сила молитв его пред Господом, велико дерзновение его пред престолом Божиим.

Ум человека, много читавшего и вдумывавшегося в жития святых церкви, немеет пред сказанием о жизни и подвигах старца Серафима; при воспоминании о нем благоговейный трепет, трудно передаваемый восторг переполняют душу. Те, кто пристально читали и размышляли над жизнью отца Серафима, любят его, чтут его с каким-то особенным пылом. Это чувство как бы теснит сердце, вырываясь в громких хвалах великому, дивному старцу.

Он был как небожитель, залетевший на нашу грешную землю; светлый, яркий, греющий луч света, посланный в мрак житейский Отцом и Источником света. Он воистину, «взыскав Бога и Творца всяческих, возлетел превыше видимыя твари». Редко в ком сила духовности доходила до такой отрешенности от всего мирского и до столь ясного обнаружения. Редко в ком плоть и все земное до того утончилось, упразднилось. Редко в ком победа духа самая совершенная, самая торжествующая, пошла так далеко. – Он точно не жил на земле, а лишь соприкасался с ней. Над его земным образом точно слышно биение белоснежных крыльев, готовых всякую минуту унести его в высь, для величайших молитвенных откровений, для святейших созерцаний духовных, для видения обителей райских.

Редко кто показал такую ревность о Боге, ревность, сжигающую все существо человека, внушающую ему тяжелейшие подвиги. Редко на ком полнее, изумительнее оправдалось Божие избрание, редко кто сумел стать столь верным и угодным сыном и другом Божиим. То был один, ни разу не ослабевший, ни разу не сдавшийся в напряжении своем порыв к Богу: и чем дальше, тем напряженнее. Одни лишения, одни страдания пожелал узнать он на земле, и, чем ближе приближался к заветной грани, тем больше искал страдания, так что в последние годы его жизни без ужаса нельзя было взирать на его быт. О, как посрамил он лютого, исконного врага нашего спасения! Если многих погубил этот человек ненавистник, то у отца Серафима он не мог вырвать из-под ног ни одной пяди почвы, и в этой страшной роковой борьбе старец покрыл его вечным позором. А какое едва ли когда виданное откровение любви к людям явил старец! Он весь как бы трепетал этой любовью, этой безграничной силой сочувствия и сострадания. Она сияла в его глазах, звучала в тех ласковых нежных словах и обращениях его к людям. Так умирительно тепло звал он всех: «Радость моя!»

«Радость моя» – точно слышится и теперь от его могилы; точно стоит, навсегда оставшись неизгладимым в воздухе мест, освященных присутствием святой его души, это драгоценное слово – «Радость моя!». И верится, что неисчислимы сокровища благодати и радостей прольются на верующих людей при прославлении отца Серафима. Уже и теперь точно тот покров горя и страдания, что обычно заволакивает собою жизнь, – точно покров этот исчез и что-то светлое проникло всю жизнь. На душе так светло, так хорошо и надежно, как не было, кажется, еще никогда: разве в раннем детстве.

Только и можешь думать, и думать, что о нем. Засыпая ночью, все твердишь: «Отец Серафим прославляется». Поутру, просыпаясь, первая мысль, мелькающая в голове, еще не стряхнувшей сон: «Отец Серафим прославляется». – И все вокруг: люди, события, вещи точно просветлели. Какими-то новыми глазами смотришь на мир, чувствуя невольно, независимо от тебя, происходящую в тебе какую-то таинственную работу духовного обновления. И невольно сознаешь, что все это происходит от той причины, которую можно выразить тремя словами: «отец Серафим прославляется». И как хочется вспоминать, говорить, слышать, писать о нем, хочется выйти на народ и возглашать его имя: «Знаете ли, какое великое ждет вас счастье – бегите к благодатному новому источнику, просите, зовите его, требуйте помощи – он всех услышит, он всем вымолит нужное для жизни и для спасения!»

Как необыкновенна была жизнь старца Серафима, читая о которой следует отрешиться от многих наших обычных земных понятий и стараться представить себе человека, до такой степени переродившегося под влиянием благодати, что многие из земных ограничений для него не существуют: так же необыкновенно и происхождение той Саровской пустыни, которая была свидетельницей подвигов отца Серафима.

Местность, где расположен нынешний Саров, была издавна населена народом финского племени, мордвою. Доселе сохранились там курганы – мордовские могилы и встречаются остатки их сооружений в виде ям и углублений в почве. Племя это до нашествия татар платило дань Рязанским и Владимирским князьям.

Очень вероятно, что на той горе, где возвышается теперь Саров, был русский сторожевой пост. Эта вероятность доказывается нахождением крестов в земле, на верху горы, когда основывалась Саровская пустынь.

В 1298 году татары покорили это место под предводительством Ширинского князя Бехмета. И, вероятно, тогда же построен был на месте теперешнего монастыря, на горе между речками Сатисом и Саровкой, татарский город Сараклыч. Он назывался «царственнейшим» городом, занимал значительное пространство и был сильно укреплен. Четыре части его, окруженные отовсюду реками или глубокими рвами и высоким валом, обороняли друг друга. Часто бывали здесь битвы с окрестным населением, и первые монахи находили здесь в земле стрелы, сабли, копыя и много человеческих костей.

Девяносто лет сидели здесь татары. Наконец, теснимые местным населением, которое после Куликовской победы Дмитрия Донского уже не считало татар непобедимыми, они должны были удалиться за речку Мокшу, где постепенно рассеялись по разным селениям.

Стольный город Сараклыч стал приходить в запустение. Он зарос лесом, заселился дикими зверями. Мало-помалу оживленное некогда место города превратилось в дремучий бор и исчезла память о тех, кто тут жил. На то, что здесь когда-то стоял город, указывало только имя, данное этому месту жителями: «Старое Городище».

В Сказании о Сарове говорится так о превращении бывшего тут города в пустыню: «Лес великий, и древа, дубы и сосны, и прочия поросли, и в том лесу живуще многие зверие – медведи, рыси, лоси, лисицы, куницы; а по речкам Сатису и Сарову – бобры и выдры. И место то не знаемо бысть от человек, кроме бортников – мордвы». Триста лет ни одна душа не жила в этом месте.

В 1664 году пришел сюда Пензенский инок Феодосий и, поставив келью на валу бывшего города, стал тут подвизаться. Иногда он ходил проповедовать Слово Божие жителям ближайшего села Кременка и передавал им о необыкновенных явлениях, которых он был свидетелем. Не раз по ночам он видал небо как бы раскрывшимся; оттуда являлся свет, озарявший всю гору. Иногда сходил сверху огненный луч, иногда слышался громкий благовест многих колоколов. Все это утверждало Феодосия в мысли, что этому месту суждена великая будущность. Феодосию не пришлось кончить жизнь в «Старом Городище». Живший здесь после него инок Герасим был тоже свидетелем разных знамений. Стоя на молитве в праздник Благовещения, он услышал такой сильный звон, что гора, казалось, колебалась от него, и с тех пор этот звон слышался ему часто. «Мню, яко место сие свято», – говорил старец.

Привлеченные молвою об этом необыкновенном звоне, по суеверию, что это явление означает присутствие на том месте клада, несколько крестьян села Кременка стали рыть почву. Клада они не отыскивали, но нашли шесть четвероконечных деревянных крестов и один медный.

По уходе старца Герасима лет десять или более место это опять было необитаемо, а окрестные крестьяне одни были свидетелями знамений, не прекращавшихся на «Старом Городище». То при ясной погоде слышался там гром, то доносился колокольный трезвон. Суеверные жители продолжали тщетно искать в горе кладов. А место было все пустынным, пока не пришел человек, избранный Богом, чтоб заселить его, первоначальник Сарова, иеромонах Иоанн.

Сын причетника с. Красного, Арзамасского уезда, он с детства привязался к храму, помогая отцу и подпевая ему на клиросе. Чтение духовных книг, житий святых и некоторые благодатные видения понудили его принять иночество. Услышав о горе между речками Сатисом и Саровкой, в дремучих Темниковских лесах, как о месте, удобном для отшельничества, подвижник отправился туда и обошел все «Старое Городище». Красота этого места – непроходимая глушь, суровая дикость, совершенное безлюдье, величественная тишина этой таинственной горы – все произвело глубочайшее впечатление на молодого восторженного инока.

Он водрузил здесь крест и через несколько времени пришел, чтоб окончательно поселиться тут. Тяжела жизнь пустытника и полна искушений от врага спасения. Чтoб укрепить душу постоянною памятью о смерти, подвижник стал рыть в горе пещеру, как символ гроба. Впоследствии, когда образовалась пустынь, эти пещеры были расширены и устроена в них церковь во имя первых русских инокoв, преподобных Антония и Феодосия Киево-Печерских. Время от времени присоединялись к отшельнику товарищи, но скоро уходили от него, и он оставался терпеть один. Было бы долго останавливаться на описании многообразных бед, гонений, перенесенных первоначальником Саровским. Скажем только, что в 1706 году совершилось событие, положившее начало возникновению Саровской пустыни, именно построение первого храма.

28 апреля его заложили на горе, к 16 мая уже воздвигнуты были стены, заложена кровля. 17-го решили воздвигнуть на храме крест. В ночь на 17-е на горе раздался громкий колокольный звон. Между тем ни одного колокола не было. Перед полуднем 17 мая кровельный мастер доканчивал отделку главы, а остальные рабочие работали внутри храма. Вдруг в полдень всех осветил необыкновенный свет, раздался трезвон многих колоколов и продолжался около часу.

К торжеству освящения собрались тысячи народа. Опять на столь долго остававшемся безмолвном месте бойкого города Сараклыча кипела жизнь. Но не для битвы и не в воинских доспехах сходилcя сюда народ, а для молитвы, неся с собой церковную утварь, ризы, иконы в жертву новому храму. Накануне была отслужена всенощная, и среди ясного летнего вечера впервые в этих местах раздался уже не чудесный звон невидимых колоколов, а тихий бла-

говест церковного колокола. Услыхав о построении церкви, многие иноки стали проситься к отцу Иоанну принять их в общежитие. Для того чтоб обеспечить порядок в жизни иноков, отец Иоанн написал доселе строго соблюдаемый в пустыни «устав общежительный», который свидетельствует и о великом духовном опыте старца, и о практической его мудрости.

7 июля 1706 года первоначальник Саровский созвал на совет всю братию, и, по единодушному согласию, братия положила следующее решение – приговор, тогда же записанный:

«В сей Сатисо-Градо-Саровской пустыни, у святей церкви Пресвятыя Богородицы Живоносного Ее источника быть общежительному пребыванию монахов... И положимом, по свидетельству и преданию святых апостол и святых отец, чин – устав общего жития. И отныне нам zde всем живущим монахом и сущим по нас настоятелем и братиям держать и хранить безотложно, дондеже благоволением Божиим обитель сия будет стоять».

Правила Саровского общежития – самые строгие, в духе древнехристианских общежительных монастырей. Так, например, исключена всякая собственность, запрещено есть вне трапезы. Отцу Иоанну удалось обеспечить пустынь земельными угодьями. Он воздвиг в обители еще две церкви, перенес все келии на гору, устроил ограду и гостиницу для приезжих. Он надеялся вместо деревянных поставить каменные церкви и начал заготавливать кирпичи. Но лишь преемникам его пришлось совершить дело созидания великолепных Саровских соборов.

Число братии в 1733 году было 36 человек. Быт в пустыни был суровый. Все нужное для жизни приобреталось трудами братии. Сами возделывали землю, сеяли хлеб, на жерновах мололи муку. Занимались токарным и столярным делом, шили одежду, плели лапти, служившие обычною обувью. Зимой носили нагольные тулупы, летом балахоны из крашенины или из сурового холста. Единственным лакомством братии в праздничные дни служил настой из малины и мяты, который пили с медом.

Первоначальник Саровский отец Иоанн, по старости сложивший с себя обязанности начальника-строителя, кончил жизнь в изгнании.

То были печальные годы царствования императрицы Анны Иоанновны. Постоянно по малейшему поводу возникали обвинения в политической измене, и раз заподозренный пропадал для жизни: он томился в застенках так называемой Тайной канцелярии или подвергался казни.

В 1733 году, по ложному доносу, Саровские иноки были заподозрены в государственной измене. В Саров прискакали чиновники тайной канцелярии с солдатами для ареста отца Иоанна. Сковав его цепями, его посадили под караул. Затем, допросив иночествующих, собрались везти его в Петербург. Строитель Дорофей и вся обитель еле упростили дать им проститься с отцом Иоанном и двумя арестованными одновременно с ним иноками. Их вывели пред врата обители в кандалах, поставили в десяти саженьях от ограды в ряд. С боков и сзади стали с оружием солдаты. Братии же велели выйти к ним, не подходя близко и не говоря им ни слова. То была величественная минута. Бряцание вандал и плач братии един нарушал тишину. Перекрестясь, первоначальник Саровский положил три поклона пред святыми вратами созданной им обители. Затем, обернувшись к оставляемой им братии, трижды поклонился ей в ноги, на что и братия отвечала земным поклоном. Затем он молча осенил ее крестным знаменем.

Около четырех лет протомился Иоанн в узах в Петербурге. Пред кончиною, напутствуемый Святыми Дарами, он просил духовника доставить в Саровскую пустынь письмо с его предсмертным заветом братии – твердо хранить устав, держать мир и любовь между собою и безропотно нести послушания. Иеросхимонах Иоанн, скончавшийся 4 июня 1737 года, схоронен при церкви Преображения Господня, что в Колтовской, в Санкт-Петербурге.

Из преемников отца Иоанна более всех замечателен строитель Ефрем. Он также пострадал по несправедливому доносу в измене и провел 16 лет в ссылке в Оренбургской

крепости, пономарем при церкви. Он отличался необыкновенным милосердием. Особенно проявил он свое человеколюбие во время великого голода 1775 года, когда многим приходилось питаться древесной корой, смешивая с мукой гнилое дерево и дубовые желуди. Тогда старец, печалясь о бедствующих, приказал кормить всех приходящих в обитель, каких бывало до тысячи в день. Братия было стала роптать, боясь, что для нее самой не хватит хлеба. Тогда старец, собрав старшую братию и описав им нужду народную, сказал: «Не знаю, как вы, а я расположился, доколе Богу будет угодно за наши грехи продолжать глад, лучше страдать со всем народом, нежели оставить его гибнуть от голода. Какая нам польза пережить подобных нам людей? Из них, может быть, некоторые до сего бедственного времени и сами нас питали своими даяниями».

Утешительная радость и мир сияли всегда на благообразном лице старца, пользовавшегося повсюду славой святости. Святитель Тихон Задонский был с ним в переписке. К портрету отца Ефрема сделана в обители следующая надпись:

Не Сирин ты, но русский ты Ефрем.
Саровской пустыни броня еси и шлем.

Он оставил также по себе благодарную память прекрасными постройками. Кроме трапезы и корпуса келий он воздвиг великолепный храм в честь Успения Богоматери – обширный, величественный, с высоким, точно в небо уходящим, иконостасом, богато украшенный.

Жизнь в Сарове сложилась истинно монашеская. Не имея еще святынь, кроме чудотворной иконы Богоматери, называемой «Живоносный Источник», Саров стал, тем не менее, целью богомолий; народ шел полюбоваться красою храмов его, насладиться стройным, истовым богослужением, наставиться у мудрых и праведных его старцев. В одной старинной рукописи, в главе о «приписных к Суздальской епархии городах» (Саров принадлежал прежде к этой епархии) сохранились следующие интересные сведения о Сарове.

«В Темниковском уезде имеется пустыня в великих непроходимых местах, именуемая Саровская, отдаленная весьма от селений мирских со всех сторон, имеющая начальствующего строителя. Обитель она в недавних весьма годах составилась при реке Сарове именуемой, на месте, где в прежние лета имелся некоторый Косимовского царства город, называемый Сатис, и по сем много лет бывший в упустении. Пребывающие в той обители монахи и бельцы житие имеют воздержное и крепкое, пищу и одежду общую, и более упражняются в трудах, между ими сам строителю первенство во всяком имеет деле (т. е. первый в трудах). Чин монастырский взят из Флорищевой пустыни, сущия в Гороховском уезде. В той (Саровской) пустыне вотчин никаких кроме лесу и пашенной земли не имеется, но довольствуются от подаяния Христолюбцев, которые Христолюбцы премного тую снабдевают, не токмо святой церкви потребными, но и братии на пищу и одежду весьма нескучно. В помянутой пустыне церкви святые устроены каменные – пять, внутренним и внешним украшением премного украшены».

Из подвижников XIX века, принадлежащих Саровской пустыни, особенно памятен знаменитый игумен и возобновитель Валаама Назарий, «полагавший начало» в Сарове и проведший там же последние годы жизни, молчальник схимонах Марк, долгое время ютившийся в дремучем лесу Саровском, в шалашах или пещерах.

Теперь Саровская пустынь принадлежит к числу обеспеченнейших русских обителей, обладая обширными лесными угодьями.

Двухвековое усердие к ней многих богатых лиц снабдило ее прекрасною церковною утварью. Ее тяжелые литые паникадила, множество горящих свеч, дивная краса ее храмов, великолепие церковных сосудов (есть громадные потиры, которые трудно держать в руке, Евангелие, которое могут нести лишь двое иеродиакон), роскошные облачения – во дни великих праздников, все это богослужбное, долгими десятилетиями скопленное богатство

радует православное сердце. Но, находясь вдали от железнодорожных путей, обитель сохранила и высокий строй жизни иноков и настроение пустыни. Монахи имеют смиренный вид, благоговейно стоят в церквах, усердно исполняют послушания, кротки, прилежны. Главное, что доселе влекло сюда богомольцев и что теперь привлечет сюда внимание России и стремление к этому месту всех верующих сердец: это могила старца Серафима. Как солнце, он сияет на небе Сарова. Весь Саров как бы полон им. Назвать Саров – значит назвать и старца Серафима. Передадим же с благоговением и любовью главные черты его жизни.

Великий избранник Божий, старец Серафим родился в древнем городе Курске, который ранее уже дал России отца русского иночества, преподобного Феодосия Киевопечерского. Он происходил из семьи богатого и именитого курского купца, Исидора Мошнина, имевшего кирпичные заводы и бравшего подряды на постройку каменных зданий, церквей и домов. Он был известен за чрезвычайно честного человека, усердного к храмам. Главную его постройкою в Курске был воздвигнутый по плану знаменитого архитектора Растрелли храм во имя преподобного Сергия Радонежского. В 1833 году эта церковь была наименована кафедральным собором. После десятилетних работ, в 1762 году, нижняя церковь, с престолом во имя преподобного Сергия, была повершена, и в тот же год Мошнин скончался, передав все дела свои умной, распорядительной жене своей Агафии.

Мошнина слыла еще более благочестивою, чем ее муж. Особенною чертою ее, – которая впоследствии так резко отличала и ее великого сына, – было милосердие. Она любила раздавать милостыню; особенно же по сердцу ей было заниматься судьбою бедных девочек-сирот. Она готовила им приданое и выдавала их замуж. Лет 15 еще, по смерти мужа, Агафья вела строение Сергиевской церкви и довела дело до конца. Все было исполнено так добросовестно, что позолота, например, в 1863 году сохраняла всю свою свежесть. Старшего сына Мошниных звали Алексей, потомство его существует доселе. Отец Серафим, второй сын Мошниных, родился 19 июля 1759 года. Его называли Прохором, в честь апостола Прохора, память которого совершается 28 июля. По смерти отца Прохор остался трехлетним. Всем воспитанием своим он обязан матери.

К сожалению, очень мало сведений сохранилось о его детской поре. Он рос тихо, в обстановке исконного русского благочестия, и, можно сказать, все заветнейшее, лучшее содержание русского народа, всю высокую его духовность, всю заботу и думу его о спасении, о вечности мало-помалу впитал в свою душу до того, что уже в ней не стало места иной заботе, иной думе.

Особое промышление Божие о Прохоре выразилось в двух событиях его жизни. Однажды, когда ему было семь лет, мать его, отправляясь на стройку церкви, взяла его с собой. Она поднялась на самый верх колокольни, где не были еще утверждены перила. Мальчик, по живости забыв, где он находится, неосторожно подошел к краю и упал вниз. Мать, предполагая, что он убится до смерти и что там, внизу, может быть только его изуродованный труп, поспешно сбегала по ступеням. Ребенок стоял на земле целый и невредимый.

Прохор отличался крепким телосложением, острым умом, впечатлительностью, прекрасною памятью и, вместе, кротостию и благонравием. Когда его стали учить церковной грамоте, он принялся за дело с большою охотою и стал быстро успевать в учении, как вдруг сильно занемог. Домашние отчаялись в его выздоровлении. И снова суждено было проявиться над ним благодати Божией. Прохор увидел во сне Пресвятую Богородицу, которая обещала посетить и исцелить его. Он рассказал это сновидение матери. Вскоре крестным ходом несли по Курску чудотворную Коренную икону Богоматери по той самой улице, где стоял дом Мошниных. Ударил сильный ливень. Вероятно для сокращения пути, крестный ход свернул через двор Мошниных. Мать Прохора воспользовалась этим и поднесла к иконе больного сына. Затем икону пронесли над мальчиком. С этого времени он стал поправляться и скоро совсем выздоровел.

Оправившись, Прохор продолжал учение: прошел Часослов, Псалтирь, выучился писать и полюбил чтение Библии и духовных книг. У старшего Мошнина, Алексея, была в Курске торговля разным деревенским товаром: ремнями, дегтем, бичевками, дугами, шлеями, лаптями, железом, и Прохора старались приучить к этой торговле. Но сердце его к этому делу не лежало. Торговля мешала ему бывать, как бы он хотел, у всех церковных служб. До этого он ходил ежедневно к обедне и вечерне. Теперь же, опуская по необходимости эти службы, подымался пораньше, чтоб отстоять заутреню.

Большое влияние на Прохора в эту пору его жизни имел один чтимый в Курске юродивый, имя которого, к сожалению, не сохранилось. Часто беседа с Прохором, он окончательно укрепил его в духовной жизни.

Умная и благочестивая мать Прохора сердцем чуяла, что не жилец ее мальчик в миру, что иная ждет его доля. Вообще в отношении Мошниной к своему сыну мы видим полную противоположность тому, как относилась к преподобному Феодосию (Киево-Печерскому) его, тоже по своему любившая его, мать. Та всячески старалась удержать сына в миру и крайне недоброжелательно относилась к его детским попыткам подвижничать. Она жестоко наказала сына, когда увидела на теле его вериги; избила его и заковала его, когда он тайком ушел из дому со странниками, а она догнала его и привела домой. Даже из монастыря Киево-Печерского, когда она после долгих поисков нашла там сына, она старалась вернуть его в мир – угрозами, упреками и мольбами. Умная и благочестивая Агафия Мошнина поступила не так. Как мудрая христианка, она поняла, что пожертвовать сыном, без ропота уступив его Богу, будет угодной Ему жертвой и что Бог всякому, ищущему Его, силен дать такое счастье, пред которым – ничто вся слава, счастье и благополучие мира. И вера ее оправдалась.

Боясь огорчить мать, Прохор, когда в нем стало постепенно складываться решение оставить мир, – старался осторожно вызнать мысли матери, пустит ли она его в монастырь. Он с радостью заметил, что она нисколько не будет препятствовать ему, и тогда он стал прямо заговаривать об этом предмете. Вместе с тем он поверял свои мысли некоторым товарищам, и пять человек из курской купеческой молодежи порешили одновременно с ним начать иноческую жизнь. В этом нельзя не видеть значительного влияния Прохора на сверстников. Известно, что, хотя в годы и отрочества, и ранней юности он любил уединение, все же не избегал общества товарищей; но, как сильная, цельная натура, подчинял их своему настроению. Он любил читать сверстникам вслух духовные книги и вести с ними духовную беседу.

Сохранилось воспоминание о том, как простился Прохор с матерью. Сперва, по русскому обычаю, все посидели. Потом Прохор встал, помолился Богу, поклонился матери в ноги. Она дала ему приложиться к иконам Спасителя и Божией Матери, потом благословила его медным большим крестом. Этот крест он всю жизнь свою хранил как величайшую святыню, никогда не снимал его с себя, нося его поверх одежды открыто на груди, с ним и скончался. Заранее было взято Прохором для пострижения в монастырь увольнение от Курского градового общества. Оставалось только решить, куда идти. Саровская пустынь славилась истинною иноческою жизнью и, тем более, должна была привлекать Прохора, что начальствовал в ней строитель Пахомий, родом из курских купцов и знакомый родителям Мошниным. Но ему хотелось поверить свое решение советами людей опытных и духовных. Кроме того, он жаждал поклониться Киевским святыням, где все говорит сердцу человека, избирающего иноческий путь. И с пятью своими единомышленниками он отправился пешком в Киев.

В то время славился жизнью и даром прозорливости старец Досифей – затворник, спасавшийся в Китаевской обители. Прохор пришел к нему, открыл ему всю свою душу и, став пред ним на колени, целуя ему ноги, умолял его указать ему место, где он должен поселиться.

Прозорливый старец прямо указал ему на Саров такими словами: «Гряди, чадо Божие, и пребуди тамо. Место сие будет тебе во спасение, с помощью Господа. Тут скончаешь ты и земное странствие твое. Только старайся стяжать непрестанное призывание имени Божия так: “Господи Иисусе Христе Сыне Божий, помилуй мя, грешного!” В этом да будет все твое внимание и обучение. Ходя и сидя, при деле и в церкви стоя, везде, на всяком месте, входя и исходя, сие непрестанное вопияние да будет и в устах, и в сердце твоём. С ним найдешь покой, приобретешь чистоту духовную и телесную, и вселится в Тебя Дух Святой, Источник всяких благ, и управит жизнь твою во святине, во всяком благочестии и чистоте. В Сарове и настоятель Пахомий богоугодной жизни. Он последователь наших Антония и Феодосия». С радостным сердцем принял Прохор старцев совет. Он отговел в Киеве, потом вернулся в Курск, где прожил несколько месяцев. Хотя он временами и ходил в лавку, но уже не занимался торговлей, а вел духовную беседу: с ним приходили поговорить о монастырях, о том, как спастись, или послушать, как он читал духовные книги.

20 ноября 1778 года, накануне праздника Введения во храм Богоматери, 19-летний Прохор пришел в Саров. Всенощное бдение, благоговение братии с первого же раза произвели на него сильное впечатление. Строитель Пахомий, истинный инок, ласково его принял и поручил его казначею, старцу Иосифу. Кроме того, что этому старцу Прохор должен был прислуживать, он исполнял и другие послушания: в хлебна, в просфорне, в столярной, пономарил. С величайшею ревностью принялся он за дело нравственного перевоспитания себя, постоянного наблюдения за собою и стремления к совершенству, в каком состоит все призвание и назначение монаха. Постоянною деятельностью он старался предохранить себя от скуки, которую считал одним из опаснейших для инока искушений. «Болезнь сия врачуется, – говорил он впоследствии по собственному опыту, – молитвою, воздержанием от празднословия, посильным рукоделием, чтением слова Божия и терпением, потому что и раждается она от малодушия и праздности и празднословия».

В определенные часы приходил он в церковь, стараясь быть там раньше всех, неподвижно выстаивал все богослужение, постоянно имея взор, опущенный к полу, чтоб избежать рассеянности, стоял всегда на определенном месте и до самого конца. В келии своей он упражнялся в чтении и в телесном труде. Евангелие и послания апостолов он всегда читал стоя. Из духовных книг читал Шестоднев святого Василия Великого, беседы святого Макария Великого, Лествицу преподобного Иоанна, Добротолюбие и другие. В часы отдыха Прохор занимался работою: искусно вырезывал из кипарисного дерева крестики для раздачи их богомольцам. Он был вообще искусен в столярничестве, так что в одном расписании иноков один из всех назван «Прохор столяр». Участвовал он также в общих трудах-послушаниях братии, состоявших в сплаве леса, в заготовке дров. В Саровском лесу спасалось в отшельничестве несколько иноков, из которых отец Назарий и отец Марк были самые известные. Их пример, столько же, сколько и стремление души Прохора, побудил его в свободные часы укрываться в лесу для уединенной молитвы. Он говорил впоследствии так: «Если не всегда можно пребывать в уединении и молчании, живя в монастыре и занимаясь возложенными от настоятеля послушаниями, то хотя некоторое время, остающееся от послушания, должно посвящать на уединение и молчание. И за это малое Господь Бог не оставит ниспослать на тебя богатую Свою милость».

Здесь, среди природы, к восприятию красот которой он был так чуток, свободно и восторженно лились его хвала и молитва к Богу. Кроме этой уединенной молитвы, Прохор принял еще подвиг: усиленный пост. В среду и пятницу он ничего не вкушал, а в другие дни недели принимал пищу лишь по разу в день. В 1780 году Прохор опасно заболел. Недуг, – по видимому, водянка, – продолжался три года, из них не менее полутора лет больной провел в постели. Каким уважением уже тогда он пользовался, как ценили его, видно уже из того, что за ним, послушником, во все время его болезни ходили строитель Пахомий и другие

старшие иноки. Больному становилось все хуже, и отец Пахомий стал настойчиво предлагать обратиться к врачу, или, по крайней мере, пустить кровь. Прохор отвечал: «Я предал себя, святой отче, истинному врачу душ и телес, Господу нашему Иисусу Христу и Пречистой Его Матери. Если же любовь ваша рассудит, снабдите меня духовным врачевством».

Старец Иосиф отслужил об исцелении болящего особо всенощную и литургию, братия молилась за него. Прохор стал поправляться. Много, много лет спустя старец рассказывал одной инокине Дивеевской, что тогда, в болезни, после причащения Святых Тайн, явилась ему в несказанном свете Пресвятая Богородица с апостолами Иоанном Богословом и Петром. Указывая на Прохора, Владычица сказала: «Этот нашего рода!» Потом Владычица возложила на голову Прохора правую руку и жезлом, который она держала в левой руке, коснулась больного. У него образовалось в бедре углубление, в которое собралась вся вода со всего тела. Та келия, в которой жил тогда Прохор и в которой совершилось это чудесное исцеление, была вскоре снесена, и на месте ее воздвигнута больница с двухэтажною церковью: в честь преподобных Зосимы и Савватия и Преображения Господня. За сбором на украшение этой церкви был послан Прохор. Между прочим, побывал он тогда и в Курске. Матери его уже не было в живых, но его брат оказал ему большую помощь. По возвращении домой Прохор своими руками построил престол из кипарисного дерева для нижней церкви Соловецких чудотворцев. Отец Серафим всегда с особым чувством относился к этому храму, как месту благодатного посещения. Он любил в нем приобщаться. Этот же храм он посетил и приобщился в нем и накануне блаженной кончины своей, 1 января 1833 года.

Восемь лет прожил отец Серафим послушником. Наружность его в это время была такова. Он был очень силен, росту в нем было 2 аршина 8 вершков, крепкого сложения. Несмотря на строгое воздержание и пост, у него было полное, белое лицо. Выразительные и пронизательные глаза его были светло-голубого цвета, нос прямой и острый, густые брови и густые светло-русые волосы на голове, в окладистой бороде и усах. Он говорил увлекательно и имел счастливую память.

13 августа 1786 года Прохор пострижен в иночество, причем, без ведома его и выбора, ему дано имя Серафим, что значит «пламенный». Через год он рукоположен во иеродиакона. С тех пор в течение без малого шести лет он почти непрерывно служил. Он усугубил теперь свои подвиги. Ночи на воскресенья и большие праздники проводил все в молитве. Господь укреплял его. Он не чувствовал утомления, не нуждался почти в отдыхе, часто забывал о пище и питье; ложась спать, жалел, что человек не может, как ангел, непрестанно, без перерыва, служить Богу. Строитель отец Пахомий очень ценил иеродиакона Серафима и, уезжая из обители по делам или для служения где-нибудь, брал его обыкновенно с собой. Это дало случай отцу Серафиму присутствовать при кончине одной великой жены и принять от нее дело, которое впоследствии так изумительно разрослось чрез него: именно Дивеевскую общину.

Вдова полковника Агафья Симеоновна Мельгунова, богатая помещица нескольких губерний, посвятила жизнь свою странствованиям по святым местам и делам благотворения. Есть сказание, что, во время пребывания ее в Киевском Фроловском монастыре, ей явилась Пресвятая Дева с повелением идти к северу России и остановиться на том месте, какое ей Владычица укажет, и что на том месте возникнет славная обитель. Когда Мельгунова, идя в Саров, дошла до села Дивеева и, присев отдохнуть на бревна у сельской церкви, забылась от усталости, — ей вновь явилась Царица Небесная с повелением остаться на этом месте. Агафья Симеоновна поселилась у сельского священника, где, ища подвигов и уничижения, исполняла всю черную работу. Кроме того, она широко, но в тайне, благотворила крестьянам. Деньги, полученные ею от продажи ее имений, она употребила на возведение нескольких и украшение многих храмов. Между прочим, построила прекрасную каменную церковь

в Дивееве. Около нее собрались жить несколько благочестивых женщин, что и составило первоначальное, так сказать, зерно Дивеевского монастыря.

Незадолго до кончины своей она приняла иночество с именем Александры. Она пользовалась великим уважением всей округи и, кроме дивной жизни и благочестия, изумляла всех своею глубокою мудростью. Отец Серафим благоговел к ее памяти. Он присутствовал при соборовании ее за несколько дней до ее кончины и при погребении ее. Умирая, она передала отцу Пахомию остатки своего некогда крупного состояния, прося его позаботиться об участи остающихся после нее сиротами Дивеевских насельниц. Отец Пахомий отвечал, что он исполнит ее волю, но едва ли доживет до исполнения обетования Царицы Небесной о том, что здесь будет монастырь. Но сказал, что после его смерти заботу о Дивееве примет на себя отец Серафим.

13 июня 1789 года первоначальница Дивеевская опочила смертным сном. Отец Серафим свято исполнил данное за него отцом Пахомием обещание. Он принял близко к сердцу судьбу Дивеева. Он называл инокинь Дивеевских не иначе как «Дивеевские сироты». В Дивееве, по блаженной кончине старца, как будто почил его дух. Что-то чрезвычайно благодатное как будто разлито в воздухе этого невыразимо отрадного места.

Проходя служение пижонское, отец Серафим удостаивался великих духовных откровений. Временами он видел ангелов, сослужащих братии и воспевающих; они имели образ молниеносных юношей, облеченных в белые, златотканые одежды. А то, как пели они: нельзя выразить словами. Вспоминая об этом, отец Серафим говорил: «Бысть сердце мое, яко воск тая от неизреченной радости».

Особо же великого откровения удостоился Серафим в один великий четверг, совершая литургию со строителем отцом Пахомием.

Как известно, «малый» выход из алтаря и следующее за тем вступление священнослужителей в алтарь выражает вступление их в самое небо, и священник тогда молится: «Сотвори со входом нашим входу святых ангелов быти, сослужащих нам и сославословящих Твою благодать». Когда после малого входа и парений иеродиакон Серафим возгласил: «Господи, спаси благочестивые и услыши ны» – и, обратясь к народу и дав знак орарем, закончил: «и во веки веков», как он весь изменился, не мог сойти с места и вымолвить слова. Служащие поняли, что ему было видение. Его ввели под руки в алтарь, где он простоял три часа, то весь разгораясь лицом, то бледнея, – все не в состоянии вымолвить ни одного слова. Когда он пришел в себя, то рассказал своим старцам и наставникам, отцу Пахомию и казначею, что он видел. «Только что провозгласил я, убогий – *Господи, спаси благочестивыя и услыши ны!* – и наведя орарем на народ, окончил: *и во веки веков*, вдруг меня озарил луч как бы солнечного света, и увидел я Господа и Бога нашего Иисуса Христа, во образе Сына Человеческого, во славе, сияющего неизреченным светом, окруженного небесными силами, ангелами, архангелами, херувимами и серафимами, как бы роем пчелиным, и от западных церковных врат грядущего на воздухе. Приблизясь в таком виде до амвона и воздвигнув пречистые Свои руки, Господь благословил служащих и предстоящих. Посем, вступив во святой местный образ Свой, что по правую руку царских врат, преобразился, окружаемый ангельскими ликами, сиявшими неизреченным светом во всю церковь. Я же, земля и пепел, сретая тогда Господа Иисуса Христа, удостоился особенного от Него благословения. Сердце мое возрадовалось чисто, просвещенно, в сладости любви ко Господу».

По-прежнему отец Серафим искал пустыни для уединенной молитвы и вечером уходил в лесную свою келью и, проведя там ночь в молитве, к утру возвращался в Саров. 34-х лет, 2 сентября 1793 года, отец Серафим в Тамбове рукоположен в иеромонаха. Теперь душа его томилась желанием совершенного уединения, полного пустынничества. Такая жизнь является одною из высших ступеней на пути восхождения человека к Богу. Это ничем не отвлекаемое, полное погружение человека в думу о Боге и постоянная молитвенная беседа с Богом,

ничем не ослабляемый единый порыв души в благодать Божества. Не потому, что ненавидят или презирают людей, удаляются подвижники в уединение и не потому, что не желают служить людям. А потому, что сперва хотят приблизиться к Богу, а тогда уже, ставши в Нем сильными, служить людям. – «Отче, – спросил как-то у отца Серафима один инок, много размышлявший об уединении, – некоторые говорят, что удаление от общежития в пустыню есть фарисейство, что оказывается пренебрежение братии, или, еще, бросается на нее осуждение. Как ты думаешь?»

– Не наше дело, – отвечал старец, – судить других. А удаляемся мы из общества братства не из ненависти к нему, а более для того, что мы приняли и носим на себе чин ангельский, которому не вместительно быть там, где словом и делом прогневаются Господь Бог. И потому мы, отлучаясь от братства, удаляемся только от слышания и видения того, что противно заповедям Божиим, как это случается неизбежно при множестве братии. Мы избегаем не людей, которые одного с нами естества и носят одно и то же имя Христово, но пороков, ими творимых, как и великому Арсению сказано было: «бегай людей, и спасешься». Но, испытав все трудности жития пустынноческого, старец впоследствии предостерегал спрашивавших у него совета, что в монастыре иноки борются с противными силами, как с голубями, а в пустыне, как со львами и леопардами.

Пред смертью своею строитель Пахомий, принявший 16 лет назад молодого, жаждавшего подвига Прохора Мошнина в число Саровских послушников, благословил теперь иеромонаха Серафима на жизнь в пустыне. Отец Серафим заботливо ходил за умирающим наставником и благодетелем своим и горько оплакивал его. После его кончины он удалился 20 ноября 1794 года в лесную келию. Видимым предлогом для удаления послужила сильная болезнь ног, вследствие постоянного стояния на ногах. Келия, куда удалился отец Серафим, была расположена в дремучем сосновом лесу, на берегу реки Саровки, на холме, в 5–6 верстах от Сарова. В ней была изба с печью, сени и крылечко. Вокруг был небольшой огород, обведенный забором. Одна и та же убогая одежда была на отца Серафима зимою и летом: белый полотняный балахон, кожаные рукавицы, кожаные чулки (бахили), лапти, старая камилавка. На груди был крест, материнское благословение. На спине он носил сумку, а в ней Евангелие.

Внешние труды его состояли в заготовлении дров и топке келии; впрочем, часто он, чтоб томить себя, терпел в келии мороз. Летом он обрабатывал огород, который удобрял мхом, собираемым в болоте. Во время этой работы он иногда обнажался до пояса, и множество насекомых безжалостно жалили его. Тело опухало, покрывалось запекшеюся кровью, а он терпел. Во время работы часто молитвенный восторг сходил на душу подвижника. Он любил петь в это время церковные песни, которых, при прекрасной памяти своей, знал множество наизусть. Особенно он любил «Всемирную славу», антифон «Пустынным непрестанное Божественное желание бывает». Случалось, что во время работы вдруг лопата или заступ выпадали из его рук, лицо его принимало дивное выражение, он стоял неподвижно, углубясь, в созерцание тайн духовных. В том же лесу жили отшельники отец Назарий, Марк и Досифей. Приходя иногда к отцу Серафиму, они заставляли его в таком же положении, он их не замечал и, иногда прождав пред ним около часу, они так и уходили, не замеченные им. Молитвенное правило его было чрезвычайно обширно. Часто вместо вечерних молитв он клал зараз тысячу поклонов. Питался он в пустыне тем хлебом, который в воскресенье приносил с собой из Сарова и который, конечно, на третий день был сух и черств. И тем он делился с птицами и лесными животными, которые очень любили его и ходили к нему. Став на высокую ступень духовности, старец получил и тот дар, который был у первого человека и утрачен чрез грехопадение. Звери повиновались ему. Не раз видели его кормящим громадного медведя, который, по его слову, отходил в чащу леса, а потом воз-

вращался опять. Кроме хлеба пищею ему служили овощи, выросшие в его огороде. Потом он ограничил себя одними овощами. Наконец, он дошел до неимоверного воздержания.

Он перестал брать вовсе хлеб из монастыря, и братия недоумевала, чем он питается. Незадолго до смерти старец рассказал, что около 3 лет он питался лишь отваром из травы снитки, которую летом собирал и сушил на зиму. Проводя будни в пустыне, отец Серафим накануне воскресных и праздничных дней приходил в пустынь и там приобщался. После обедни он говорил с теми из братии, кто в нем нуждался. А затем возвращался в пустынь. Иноки, жившие в лесу, слыхали от него мудрые наставления. Вот одно из них, о непрестанной молитве: «Истинно решившиеся служить Господу Богу должны упражняться в памяти Божией и непрестанной молитве, говоря умом: “Господи Иисусе Христе Сыне Божий, помилуй мя грешного”; в часы же послеобеденные можно говорить эту молитву так: “Господи Иисусе Христе Сыне Божий, молитвами Богородицы помилуй мя грешного”, или же прибегать собственно к Пресвятой Богородице, моляся: “Пресвятая Богородица, спаси нас”, или говорить поздравление ангельское: “Богородице Дево, радуйся!” Таковым упражнением, при охранении себя от рассеяния и при соблюдении мира совести, можно приблизиться к Богу и соединиться с Ним. Ибо, по словам святого Исаака Сирина, кроме непрестанной молитвы, мы приблизиться к Богу не можем». – Если подвижник встречался с кем в лесу, то он смиренно кланялся и поспешно уходил в сторону.

Но на не слыхавших даже слов его один вдохновенный вид его, в его убогой одежде, производил великое впечатление: трогал души, поучал, возбуждал к добру.

Отец Серафим не избежал тех великих искушений, какими обычно враг спасения воюет на иноков, проходящих пустынножизнь, и какими он силится смутить их в эту великую пору их духовного роста. Однажды во время молитвы отец Серафим услышал вой зверей за стенами келии, потом точно скопище народа стало ломать дверь, выбили у двери косяк и бросили в келию громадный отруб дерева, который потом с трудом могли вынести восемь человек. Иногда во время молитвы ему представлялось, что келия его разваливается начетверо и что к нему с ревом отовсюду рвутся страшные звери. Иногда он видал открытый гроб, из которого вставал мертвец. Этим привидениям отец Серафим не поддавался, но прогонял их силою крестного знамения. Тогда враг стал нападать на него с еще большею яростью.

Он поднимал подвижника на воздух и с такою силою ударял его об пол, что кости могли бы быть сломаны, если бы не охранявшая отца Серафима благодать. Можно думать, что отец Серафим видел самих злых духов, потому что на простосердечный о том вопрос одного мирянина старец с улыбкою ответил: «Они гнусны. Как на свет ангела взглянуть грешному невозможно, так и бесов видеть ужасно, потому что они гнусны».

Все искушения отец Серафим победил молитвою, именем Христовым и знамением крестным и некоторое время наслаждался миром. Между тем отец Серафим получил предложение быть настоятелем Алатырского монастыря, с возведением в сан архимандрита. Он отказался, отказался по смирению и от другого такого же предложения. Известно, что смирение есть венец добродетелей, как бы цемент, скрепляющий все добродетели. Ничто так не ручается за верный путь спасения, ничто так не страшит и не посрамляет врага, как смирение. Смирением победил и Христос злобу его, так как то, чем искушал и искусил враг первого человека, «будете, яко боги» – то самое путем смирения совершил Христос: сойдя на землю и став Человеком, Он обожествил человека и влил в него пролитую за него Божественную кровь Свою.

Не терпя великого смирения отца Серафима, враг еще лютее ополчился на него: он воздвиг в душе его так называемую мысленную брань. Для победы в этой страшной, роковой, ожесточенной борьбе старец решил предпринять новый подвиг, на который в древности

решались весьма немногие подвижники и который казался невыносимо тяжек в последующие времена. То было столпничество.

На полпути от келии к монастырю лежала громадная гранитная скала. На эту скалу отец Серафим стал всходить при наступлении всякой ночи. Он молился или на коленях, или стоя на ногах, воздев руки вверх и взывая словами молитвы мытаря: *Боже, милостив буди мне грешному!* В келии своей он поставил другой небольшой камень, и в том же положении молился на нем весь день, сходя с него только для краткого отдыха и принятия пищи. В этом великом подвиге провел он тысячу дней и тысячу ночей. Враг был окончательно побежден. Но от этого почти трехлетнего непрерывного стояния опять открылась у старца болезнь в ногах, которая была в первое время пустынножизни его. Болезнь эта не проходила более до самой кончины отца Серафима. Дивный подвижник сумел скрыть свое тысячадневное и тысяченощное моление. Впоследствии от Тамбовского архиерея был тайный запрос об отце Серафиме игумену Нифонту. Сохранился отзыв Нифонта, в котором он пишет: «О подвигах и жизни отца Серафима мы знаем. О тайных же действиях каких, также и о стоянии 1000 дней и ночей на камне никому не было известно». Лишь незадолго до кончины своей, по примеру многих других праведников, открывая некоторые обстоятельства своей жизни, великий старец поведал об этом молении некоторым из Саровской братии. Один из слушателей заметил тогда, что подвиг этот выше сил человеческих.

– Святой Симеон Столпник, – отвечал старец, – сорок семь лет стоял на столпе. А мои труды похожи ли на его подвиг?..

Собеседник заметил, что, вероятно, старец ощущал в это время помощь благодати.

– Да, – отвечал он, – иначе сил человеческих не хватило бы. Потом, помолчав, он прибавил: – Когда в сердце есть умиление, то и Бог бывает с нами.

Посрамленный в личной, так сказать, борьбе с отшельником, враг начал действовать на него через людей.

12 сентября 1804 года пришли к отцу Серафиму, рубившему в лесу дрова, трое крестьян и дерзко потребовали денег, говоря, что мирские люди носят ему деньги. Отец Серафим ответил, что ни от кого ничего не берет. Не поверив ему, крестьяне напали на него. Один, кинувшись на него сзади, хотел его повалить, но сам упал. Отец Серафим был ловок и очень силен. С топором в руке, он легко мог рассчитывать отбиться от злодеев. Но вспомнились ему слова Евангелия: «Приимшии нож, ножом погибнут», – и он решился не защищаться. Бросив топор на землю и сложив руки крестом на груди, он спокойно сказал своим обидчикам: «Делайте, что вам надобно». Один из них, схватив топор, обухом ударил его по голове, так что изо рта и ушей подвижника хлынула кровь и он в беспамятстве упал. Тогда они потащили его в келию, продолжая бить его топором, дубиной, топтали его ногами, думали даже бросить его в реку. Но, видя, что он вроде мертвого, связав ему руки и ноги, бросили его в сени, а сами кинулись в келию, где обшарили все углы, сломали даже печь, все надеясь отыскать деньги. Но нашли лишь икону да несколько картофелин. На них напал страх, и они убежали. Когда отец Серафим пришел в себя, он выпутался с трудом из веревок, поблагодарил Бога за неповинное страданье, помолился об обидчиках и на другой день во время самой литургии припелся в пустынь в самом ужасном виде. Волосы на бороде и голове его были в запекшейся крови, в пыли, спутаны. Руки и лицо были избиты, выбито несколько зубов, на ушах и лице – запекшаяся кровь, окровавленная одежда местами пристала к ранам на теле. Он рассказал о случившемся настоятелю и братии и остался в Сарове. Первые восемь дней страдания его были чрезвычайны. Он не мог ни пить, ни есть, ни забыться ни на минуту сном от нестерпимой боли. В обители ждали его смерти. На седьмой день болезни, не видя улучшения, настоятель послал за врачами в Арзамас. Врачи нашли больного в таком положении: голова проломлена, ребра перебиты, грудь оттоптана, по телу смертельные раны, и лишь удивлялись, как он еще жив. Пока эти три врача, при которых было три фельдшера, сове-

щались над постелью больного на латыни, что предпринять, отец Серафим забылся и имел во сне видение.

К постели его подошла окруженная славой, в царской порфире, Пресвятая Богородица с апостолами Петром и Иоанном Богословом. Она рекла в сторону врачей: «Что вы трудитесь?» А затем, указывая апостолам на подвижника, произнесла: «*Сей от рода нашего*». После этого видения он отказался от какой бы то ни было врачебной помощи, говоря, что всю надежду возлагает на Господа и Богоматерь.

В течение нескольких часов после видения страдалец ощущал чрезвычайную духовную радость. Потом почувствовал облегчение. В тот же вечер в первый раз после поранения спросил пищи, и поел хлеба с квашеной капустой. С того дня он мало-помалу стал оправляться, но следы этого происшествия остались навсегда на нем. Еще раньше он как-то во время рубки леса был придавлен упавшим деревом, и, раньше прямой и стройный, стал теперь согбенный. Теперь же он еще больше сгорбился и не мог ходить иначе, как опираясь на палку или топорик.

Пробыв пять месяцев в Сарове, отец Серафим вернулся опять в любимую свою пустынную келию. Таким образом, опять враг спасения потерпел новое поражение. Обидчики подвижника были найдены и оказались крепостными крестьянами помещика Татищева, из села Кременок. Отец Серафим просил настоятеля не преследовать их и писал о том же помещику. Все настаивали на наказании. Тогда отец Серафим объявил, что в таком случае он оставит Саров и совсем уйдет в другое место.

Господь сам наказал этих людей: у них сгорели все избы. Тогда, раскаявшись, они пришли к отцу Серафиму и просили у него прощения.

В 1807 году скончался второй, со времени поступления отца Серафима, настоятель Саровский – праведный игумен Исаия, который весьма чтит отца Серафима и которому отец Серафим платил искренней любовью. Когда отец Исаия был здоров, он сам ходил в пустынь к отцу Серафиму. Когда он сложил с себя должность, отец Серафим был избран братиею в настоятели, но отказался, и был избран в настоятели казначей Нифонт. Больной старец не мог лишиться себя утешения в беседе с отцом Серафимом, и братия возила бывшего своего настоятеля в тележке в пустыню к отцу Серафиму. Кончина отца Исаии тяжело отразилась на отце Серафиме. Три любимых им старца, из которых двое, Иосиф и Пахомий, руководили первыми его иноческими шагами, лежали в могилах. Он сам прожил уже почти полвека. И новое поколение иноков не могло дать его привязчивой душе то, что давало ему общение с этими тремя глубокодуховными, а для него незаменимыми, коренными людьми. Как ни ограничивал он людских отношений, уход этих людей болезненно на нем отразился. Никогда не проходил он мимо кладбища монастырского без того, чтоб не помолиться на их могилах. Начальнице Ардатовской общины он как-то сказал: «Когда идешь ко мне, зайти на могилки, положи три поклона, прося у Бога, чтоб Он упокоил души рабов Своих Исаии, Пахомия, Иосифа, и потом припади ко гробу, говоря про себя: «Простите, отцы святии, и помолитесь обо мне!»

Стремясь все далее, все более очищая душу, а быть может, чтоб подвигом смирить печаль души, отец Серафим приступил к новому деланию – молчаливчеству. Он более не выходил, если кто посещал его. Встречаясь с кем в лесу, падал лицом к земле, и не вставал, пока не уходили от него, перестал даже ходить в монастырь по праздникам. Раз в неделю, по праздникам, старцу приносил послушник из Сарова пищу. Зимой приходилось идти к нему по глубокому снегу. Дойдя до келии, послушник стучал, говоря вслух молитву Иисусову, и старец, ответив «аминь», отворял дверь сеней, где был приготовлен лоточек. Сам он стоял в это время со сложенными руками, смотря в землю и не подымая глаз на пришедшего. Послушник складывал принесенное на лоточек, а отец Серафим клал туда же кусочек хлеба или капусты, означая тем, что нужно принести на следующий раз. Затем послушник уходил,

не слыхав и голоса старца. Таково было внешнее выражение молчаливничества. Значение же и сущность его состояли в отречении от всяких житейских попечений для совершеннейшего служения Богу.

Отец Серафим пояснял: «Паче всего должно украшать себя молчанием, ибо святой Амвросий Медиоланский говорил, что молчанием многих видел спасающихся, многоглаголанием же ни единого. И паки некто из старцев говорит: молчание есть таинство будущего века, словеса же – орудия суть мира сего. Молчание приближает человека к Богу и делает его как бы земным ангелом. Ты только сиди в келии своей во внимании и молчании, и всеми мерами старайся приблизить себя к Господу. А Господь готов сделать тебя из человека ангелом: “На кого бо, говорит он (Ис., 66, 2) воззрю, токмо на кроткого и молчаливого и трепещущего словес Моих”. Плодом молчания, кроме других духовных приобретений, бывает мир души. Молчание учит безмолвию и постоянной молитве. Наконец, приобретшего сие ожидает мирное состояние. Когда старца спросили, зачем он, наложив на себя молчание, лишает братию той духовной пользы, какую он мог бы принести ей своими беседами, он отвечал: “Святой Григорий Богослов рек: прекрасно богословствовать для Бога. Но лучше сего, если человек себя очищает для Бога”».

От молчаливничества он перешел еще к новому подвигу – затворничеству. Этому способствовало отчасти следующее обстоятельство. Не было известно, кто и как приобщает отца Серафима с тех пор, как он, приняв на себя молчание, перестал ходить в монастырь. Собор старших иеромонахов решил предложить ему: или ходить в воскресные и праздничные дни для приобщения в монастырь, или, если болезнь ног не позволяет этого, переселиться в Саров. Монаху, носившему отцу Серафиму пищу, было велено передать это ему и спросить у него о его решении. В первый раз отец Серафим ничего не ответил, во второй же раз молча пошел за монахом в Саров, и там остался. Это было в мае 1810 года.

Отец Серафим поселился в прежней келии своей, ни к кому не ходил и к себе никого не принимал. У него не было теперь даже самых необходимых вещей. Икона с горящей лампадой и обрубок пня вместо стула – вот все, что было в келии. И огня он теперь не стал для себя потреблять. На плечах он носил теперь под сорочкою тяжелый железный пятивершковый крест. Собственно же вериг, вероятно, не носил. «Кто нас оскорбит словом или делом, и если мы переносим обиды по-евангельски, – учил он, – вот и вериги наши, вот и власяница». Пищу его были теперь толокно и белая рубленая капуста. Воду и пищу относил ему сосед его по келии, монах Павел. Затворник, покрывшись полотенцем, чтоб никто не видал лица его, выходил из дверей и на коленях, как Божий дар, принимал посуду с пищей.

По-прежнему сложно и велико было молитвенное его «правило». Между прочим, он в течение недели прочитывал весь Новый Завет и, читая, толковал себе Писание вслух. Многие приходили к его двери и с радостью слушали его. Иногда же он, сидя над книгой, как бы замирал, погруженный в созерцание, не читая далее. Также иногда на молитве он переставал читать слова, замолкал и, не двигаясь, стоял пред иконой. Всякое воскресенье и большие праздники старец приобщался Святых Таин, которые после ранней обедни ему приносили в келию из любимой и знаменательной для него больничной церкви.

В сенях у него стоял дубовый гроб, сделанный, вероятно, им самим, как искусным столяром. Он просил после смерти положить его в этот непременно гроб и часто около него молился, готовясь к смерти. Он выходил иногда из келии по ночам, чтобы подышать свежим воздухом, и, читая тихо молитву Иисусову, в это время переносил дрова.

После пятилетнего строгого затвора старец внешне несколько ослабил его. Всякий мог войти к нему, так как он отпер дверь келии. На вопросы старец, хотя и не стесняясь посетителями, не давал ответа. Даже, когда посетил Саров Тамбовский епископ Иона (впоследствии экзарх Грузии) и пришел к его келии, старец не отпер ему двери и ничего не отвечал.

Прошло еще пять лет затвора, и отец Серафим стал отвечать на вопросы братии и даже беседовать с нею. Он внушал братии неопустительно совершать богослужение, благоговейно стоять в церкви, постоянно заниматься умной молитвой – каждому усердно исполнять послушание, не есть ничего вне трапезы, за трапезою сидеть с благоговением и страхом Божиим, без важной причины не выходить за ворота, бояться своеволия как причины великого зла.

В 1825 году последовало явление отец Серафиму Богоматери. Пречистая повелела ему выйти из затвора и принимать всех, кто будет идти к нему. В это время отец Серафим был уже 66-летний старец. За почти полувековую монашескую жизнь сколько великого опыта духовного скопил он, какую великую воспитал в себе любовь к Богу, как изучил он малейшие движения души, как познал все оттенки той борьбы, которую «враг» ведет с человеком... И теперь он должен был в оставшиеся ему 7 лет жизни излить на русский народ все сокровища своего опыта, всю силу своих молитв, всю великость своей любви... Он начал новый подвиг: старчества, духовного руководства людьми. С окончания ранней обедни до 8 часов вечера келия была открыта для мирян, а для Саровской братии во всякое время. Эта маленькая келия освещалась лишь лампадой и свечами, зажженными пред иконами. Печь в ней никогда не топилась. Двумя маленькими окнами она смотрела в широкую, привольную луговую даль. Мешки с песком и каменья лежали на полу, служа, вероятно, ему постелью. Обрубок дерева заменял стул.

Обычно старец принимал посетителей таким порядком. Одетый в белый балахон и мантию, он надевал еще епитрахиль и поручи в те дни, когда приобщался. С особенною любовью встречал он тех, в ком видел желание исправиться, искреннее раскаяние в грехах. Побеседовав с такими людьми, он накрывал их голову своею епитрахилью и произносил над ними, положив свою правую руку на их голову: «Согрешил я, Господи, согрешил душою и телом, словом, делом, умом и помышлением, и всеми моими чувствами: зрением, слухом, обонянием, вкусом, осязанием, волею или неволею, ведением или неведением». Затем произносил обычную разрешительную молитву, причем посетитель испытывал необыкновенно отрадное чувство. Вслед за тем старец начертывал на лбу посетителя крест елеем от иконы, и давал, если то было утром, богоявленской воды и антидора. Наконец, целуя всякого в уста, произносил всегда, какой бы то ни был день года, *Христос Воскресе* и давал приложиться к образу Богоматери, или кресту – материнскому благословению, висевшему у него на груди.

Особенно советовал старец непрестанно молиться, и для этого повторять всегда молитву Иисусову – «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного». – «Ходя и сидя, на деле, и в церкви стоя до начала богослужения, входя и исходя, сие непрестанно содержи на устах и в сердце твоём. С призыванием имени Божия найдешь ты покой, достигнешь чистоты духовной и телесной, и вселится в тебя Святый Дух». Многие из посетителей старца винулись в том, что мало молятся, не вычитывая даже положенные утренние и вечерние молитвы. Делали они это и по недосугу, и по безграмотности. Отец Серафим установил для таких людей такое легко исполнимое правило. «Поднявшись от сна, всякий христианин, став пред святыми иконами, пусть прочитает молитву Господню “Отче наш” трижды, в честь Пресвятой Троицы. Потом песнь Богородице “Богородице Дево, радуйся” также трижды. В завершение же Символ веры “Верую во единого Бога” – раз. Совершив это правило, всякий православный пусть занимается своим делом, на какое поставлен или призван. Во время же работы дома или на пути куда-нибудь пусть тихо читает “Господи Иисусе Христе, помилуй мя грешного (или грешную)”»; а если окружают его другие, то, занимаясь делом, пусть говорит умом только “Господи, помилуй!” – и так до обеда. Пред самым же обедом пусть опять совершает утреннее правило. После обеда, исполняя свое дело, всякий христианин пусть читает так же тихо: “Пресвятая Богородица, спаси мя грешного”, и это пусть продолжает до самого сна. Когда случится ему проводить время в уединении, то пусть читает он: “Гос-

поди Иисусе Христе, Богородицею помилуй мя грешного или грешную». Отходя же ко сну, всякий христианин пусть опять прочитает утреннее правило, то есть трижды «Отче наш», трижды «Богородице» и один раз «Символ веры». Отец Серафим объяснял, что, держась этого малого «правила», можно достигнуть меры христианского совершенства, ибо эти три молитвы – основание христианства. «Первая, как молитва, данная самим Господом, есть образец всех молитв. Вторая принесена с неба Архангелом в приветствие Богоматери, Символ же содержит в себе вкратце все спасительные догматы христианской веры».

Кому невозможно выполнять и этого малого правила, старец советовал читать его во время занятий, на ходьбе, даже в постели, и при этом приводил слова из Послания к Римлянам: «Всякий, кто призовет имя Господне, спасется». Кому же есть время, старец советовал читать из Евангелия, каноны, акафисты, псалмы. Бывали у отца Серафима знатные люди. С ними старец беседовал об обязанностях их звания. Особенно же он умолял их хранить верность православной церкви, соблюдать ее уставы, защищать ее от нападений. Как простосердечно относился старец к нуждам простого народа, можно видеть из двух следующих примеров.

Однажды прибежал в Саровскую пустынь крестьянин с признаками сильнейшего волнения и спрашивал у всякого попадавшегося ему навстречу инок: «Батюшка, ты, что ли, отец Серафим?» Когда ему указали старца, он упал ему в ноги и закричал: «Батюшка, у меня лошадь украли. Не знаю, как теперь буду семью кормить. Я без нее стал нищий. А ты, говорят, угадываешь». Ласково сказал ему старец, приложив его голову к своей голове: «Огради себя молчанием, иди в село (старец назвал село). Как станешь подходить к нему, свороти с дороги вправо и пройди задами четыре дома, там ты увидишь калиточку. Войди в нее, отвяжи свою лошадь от колоды и выведи молча». Крестьянин тотчас побежал по указанному направлению, и был слух, что он нашел свою лошадь.

В другой раз один монах привел к старцу молодого крестьянина с уздой в руках, плакавшего о потере своих лошадей, и оставил старца с крестьянином вдвоем. Через несколько времени, встретив этого крестьянина, монах его спросил:

– Ну что, отыскал ты своих лошадей?

– Как же, отыскал. Отец Серафим сказал мне, чтоб я шел на торг и что я там увижу их. Я и вышел, и как раз увидел и взял к себе своих лошадок.

В отце Серафиме в великой мере действовал дар исцеления. В первый раз он проявился над человеком, ставшим впоследствии преданнейшим, вернейшим до самозабвения, до полного отречения, почитателем его.

Михаил Васильевич Мантуров, помещик села Нучи Ардатовского уезда Нижегородской губернии, долго служивший в военной службе, тяжело заболел и, выйдя в отставку, должен был поселиться в своем имении. Болезнь его была в высшей степени странная и необъяснимая. Лучшие доктора не могли ни понять, ни лечить ее. Нуча лежала в 40 верстах от Сарова, и в нее доходили слухи о святости отца Серафима. Когда болезнь приняла такие размеры, что у Мантурова стали выпадать кусочки костей из ног, он, в виде последней надежды, решил ехать к отцу Серафиму. С большими усилиями люди его, привезя его в Саров, ввели его в сени келии старца. Старец вышел к нему и ласково сказал:

– Что пожаловал? Посмотреть на убогого Серафима? Мантуров упал ему в ноги и стал со слезами просить его об исцелении. Проникновенно и любовно старец трижды спрашивал больного, верует ли он в Бога, и трижды получил горячее уверение в совершенной, пламенной вере. Тогда на это старец ответил:

– Радость моя, если ты так веруешь, то верь же и в то, что верующему все возможно от Бога. А потому веруй, что и тебя исцелит Господь. А я, убогий, помолюсь.

Посадив Мантурова в сени у гроба, отец Серафим удалился для молитвы к себе в келию, и через несколько времени вернулся, неся освященное масло. Он приказал боль-

ному обнажить ноги, и, приготовившись вытереть их маслом, произнес: «По данной мне от Господа благодати, я первого тебя врачую!» Помазав больные ноги и надев на них чулки из посконного холста, старец вынес из келии большое количество сухарей, всыпал их в фалды сюртука Мантурова, и так велел ему идти в монастырь. С некоторым сомнением стал исполнять Мантуров приказание отца Серафима. Но внезапно почувствовал в ногах силу, и крепко, смело мог стоять. Он не помнил себя от изумления и радости и бросился в ноги старцу, но отец Серафим поднял его, строго говоря: «Разве Серафимово дело мертвить и живить? Что ты, батюшка? Это дело Единого Господа, Который творит волю боящихся Его и молитву их слушает; Господу Всемогущему да Пречистой Его Матери даждь славу!»

Прошло некоторое время. Мантуров чувствовал себя так хорошо, что стал даже забывать о недавней, так мучившей его болезни. Ему захотелось побывать у отца Серафима, принять его благословение, и он отправился в Саров. Дорогой он размышлял о словах отца Серафима, сказанных старцем после его исцеления, что надо ему возблагодарить и прославить Господа. Старец встретил его словами: «Радость моя, а ведь мы обещались поблагодарить Господа, что Он возвратил нам жизнь!»

– Я не знаю, батюшка, чем и как прикажете, – отвечал Мантуров, удивляясь прозорливости старца.

Радостно взглянув на исцеленного, старец сказал: «Вот, радость моя, все, что ни имеешь, отдай Господу и возьми на себя самопроизвольную нищету!» Странное, трудно передаваемое впечатление произвело на Мантурова это слово, возбудив напряженную работу его мысли. Он был еще молод, женат: чем же он будет жить, если все отдаст. Зная его мысли, старец сказал: «Не пекись, о чем думаешь. Господь не оставит тебя ни в сей жизни, ни в будущей. Богат не будешь. Хлеб же насущный у тебя будет». Всего второй раз видел Мантуров старца. Но старец, как бы вновь от ужасных страданий воззававший его к жизни, уже всецело владел благодарным, привязчивым, пылким сердцем Михаила Васильевича. Слово старца было для него уже святыней, и он ответил: «Согласен, батюшка. Что же благословите мне сделать?»

На этот раз мудрый отец Серафим не дал Мантурову определенного указания и отпустил его с благословением. Мантуров, исполняя совет старца, отпустил своих крепостных на волю, продал имение и, сохраняя пока капитал, купил в селе Дивееве на указанном старцем месте 15 десятин земли. Старец завещал ему хранить ее, никому не отдавать и назначить после смерти в Дивеево. Поселившись с женой своей, лютеранкой, на этом участке, Мантуров стал терпеть недостатки. Его жена, в общем хорошая женщина, была вспыльчивого характера, нетерпелива и упрекала его за его поступок. Но, безгранично доверяя старцу, покорив ему свою волю, Мантуров никогда не роптал и радостно нес тот великий подвиг, к которому Христос призывал обратившегося к Нему за словом жизни юношу и который тот евангельский юноша был не в силах повести. Главное дело, которым отец Серафим занимал Мантурова, были Дивеевские дела. Мантуров стал вернейшим, преданнейшим учеником старца, – можно сказать, доверенным его другом. Старец иначе не называл его, как именем «Мишенька».

Быт отца Серафима во многом изменился, когда в 1825 году он, по явлению ему Пресвятой Богородицы, вышел из затвора. Здоровье старца было не хорошо. Подвиги и изнурение всей жизни, стояние на камнях, затвор – все отозвалось и на его крепкой, выносливой природе. У него болели и ноги, и сильно болела голова. Был необходим свежий воздух и движение. Еще с весны 1825 года он стал по ночам выходить из келии. В ночь на 25 ноября явилась ему Богоматерь, с разрешением оставить затвор, и с 25 же ноября, взяв благословение у настоятеля, старец стал ходить ежедневно на то место, которое, в отличие от прежнего его жилища в лесу (*дальняя пустынька*), стало называться *ближняя пустынька*.

В двух верстах от Сарова издавна находился родник, неизвестно кем вырытый и по стоявшей около него на столбике иконе Иоанна Богослова называвшийся Богословским. На горке в четверти версты от источника спасался в своей келье отшельник иеромонах Дорофей, скончавшийся в сентябре 1825 года. Место это отец Серафим посещал, еще когда жил в «дальней пустыне», работал здесь иногда и любил его. По выходе же из затвора он ежедневно стал посещать это место. Тут явился новый источник, по преданию, забивший от удара жезла Богоматери, явившейся здесь старцу. Вода этого источника, называемого «Серафимов», обладает свойством не портиться даже годы, и множество больных, с верою омываясь ею, получали дивные исцеления в тяжких недугах.

Летом 1825 года был возобновлен Богословский родник. Старец, собирая камешки в речке Саровке, выкидывал их на берег и унизывал ими бассейн родника. Около были устроены гряды, на которых старец сажал лук и картофель. Так как в келию отца Дорофея, за четверть версты, ходить утружденному годами и болезнями старцу было уже тяжело, ему устроили сруб на холме, близ родника. Небольшой этот сруб, длиною и вышиною в сажен и шириною в два аршина, имел крышу скатом в одну сторону. Ни окон, ни дверей не было. Под стенку надо было подлезать. Сюда старец укрывался от дневного зноя. Через два года ему устроили здесь новую келию, с дверью, но без окон. И тогда он в этом месте стал проводить все дни, с утра, лишь к вечеру возвращаясь в Саров. Рано утром, в четыре, иногда и в два часа по полуночи, старец отправлялся в ближнюю пустыньку. Он шел в своем белом холщовом балахоне, в старой камилавке, с топором в руке. На спине у него котомка, набитая камнями и песком. Поверх песку лежало Евангелие. У него спрашивали, зачем он удручает себя этой тяжестью.

– Томлю томящего мя! – отвечал старец.

Стечение народа, желавшего кто лишь взглянуть на него, кто принять благословение, кто спросить у него совета, – все увеличивалось. Кто ждал его в Сарове, кто надеялся увидеть его на дороге, кто спешил застать его в пустыньке и быть свидетелем трудов его. Особенно велико было стечение народа вокруг старца в праздничные дни, когда он возвращался после принятия Святых Таин из храма. Он шел, как подходил к чаше – в мантии, епитрахили, поручах. Шел медленно среди теснившегося вокруг него народа, и всякому хотелось взглянуть на него, протискаться поближе к нему. Но он ни с кем тут не говорил, никого не благословлял, ничего не видел. Светлое лицо его выражало глубокую сосредоточенность. Он весь был полон радости и сознания соединения со Христом. И никто не смел прикоснуться к нему. Войдя же в келию, старец принимал посетителей и говорил с ними. Великою духовною силой полна была речь отца Серафима. Смиренная, пылающая верой и любовью, она как бы снимала повязку с глаз, открывала новые горизонты, звала человека к совершенному высокому его земного призвания – служения Богу как источнику добра, правды и счастья. Эти беседы уясняли ярко все заблуждения жизни, освещали путь впереди, возбуждали жажду новой, лучшей жизни, покоряли старцу волю и сердце слушателей, вливали в них тишину и покой. Все, что старец ни говорил, все то он основывал на словах Писания, на примере святых. Он всегда говорил то, что в данных обстоятельствах было самое важное, нужное для человека. Речь его еще потому имела такую силу, что сам он первый исполнял все то, чему учил других. По прекрасному, меткому сравнению отца Серафима: «Учить других – это как с высокой колокольни бросать камни вниз; а самому исполнять – это как с мешком камней на спине подниматься на высокую колокольню». Свои благодатные дары старец таил, не открывая их без крайней нужды. Вообще он был сторонник сосредоточенной жизни и находил, что и мирским людям надо быть сдержанными и не открываться¹ легко другим людям. Вот что он пишет по этому поводу:

¹ Того же мнения придерживался и великий Оптинский старец Амвросий.

«Не должно без нужды другому открывать сердца своего. Из тысячи найти можно только одного, который бы сохранил твою тайну. Когда мы сами не сохраним ее в себе, как можем надеяться, что она будет сохранена другим? Когда случится быть среди людей в мире, о духовных вещах говорить не должно, особенно когда в них не примечается и желания к слушанию. Всеми мерами должно стараться скрывать в себе сокровище дарований: в противном случае потеряешь и не найдешь. Ибо, по изречению святого Исаака Сирина, лучше есть помощь, яже от хранения, паче помощи, яже от дел. Когда же надобность требует, или дело дойдет, то откровенно в славу Божию действовать должно». Старец был великий ревнитель православия. Он особенно благоговел к памяти тех святых, которые выяснили и установили сущность правой веры: Климента, папы римского, Иоанна Златоуста, Василия Великого, Григория Богослова, Афанасия Александрийского, Кирилла Иерусалимского, Епифания Кипрского, Амвросия Медиоланского. Он любил вспоминать их твердое стояние за веру. Убеждая хранить догматы веры, старец приводил в пример блаженного Марка Ефесского, который с непоколебимым мужеством защищал православие на Флорентийском соборе. Отец Серафим любил вести беседы о том, в чем состоит чистота православия, как охранять ее, и радовался, что наша церковь содержит в себе Христову истину в полной целости. Высоко чтил подвижник и наших русских святых, говорил о жизни их, брал от них примеры для подражания. Вообще жития святых были для него живыми письмами, по которым он поучал народ. Особенно поразительно было в нем смирение и любовь. Всякого, праведника и изболевшего грехами, трепещущего пред святостью его грешника, богача-вельможу и бедняка: он одинаково встречал земным поклоном, часто целовал посетителям руки. Как ни много бывало у него посетителей, никто не отходил от него неудовлетворенным: он часто одною фразою, одним словом охватывал жизнь человека, наставлял его на нужный путь.

Святой образ его действовал так сильно, что иногда пред ним плакали гордые, самонадеянные люди, пришедшие к нему лишь из любопытства. С людьми же, искавшими его для пользы духовной, искренно стремившимися к спасению, – старец был особенно ласков.

Яснее всего вырисовывается образ отца Серафима из сохранившихся воспоминаний его посетителей, людей разнообразного звания и положения. Вот что ответил он однажды четырем старообрядцам из села Павлова, Горбатовского уезда, которые приходили поговорить с ним о двухперстном сложении. Едва переступили они порог келии и не высказали еще, для чего пришли, как старец подошел к ним, взял одного из них за правую руку и, сложив пальцы его по чину православной церкви, сказал:

– Вот христианское сложение креста. Так молитесь и прочим скажите. Прошу и молю вас: ходите в церковь греко-российскую. Она во всей славе и силе Божией! Как корабль, имеющий многие снасти, паруса и великое кормило, она управляется Святым Духом. Добрые кормчие ее – учителя церкви, архипастыри – суть преемники апостольские. А ваша часовня подобна маленькой лодке, не имеющей кормила и весел. Она привязана вервием к кораблю нашей церкви, плывет за нею, заливается волнами, и непременно потонула бы, если бы не была привязана к кораблю.

Кавалерийский офицер П. Я. Каратаев, в 1830 году посланный из полка за ремонтом, проезжал мимо Сарова. Слыша по дороге рассказы о старце, он хотел заехать к нему, но не решился, боясь, что старец обличит его перед другими в его грехах, особенно же в его отношении к иконам. Ему казалось, что произведение рук человека, часто грешного, не может вместить в себе благодати и быть предметом почитания. Вскоре, по случаю того, что его вызвали ввиду польской кампании, ему снова с командой нижних чинов пришлось проезжать мимо Сарова, и теперь, по совету отца, он решил быть у старца. Когда он стал подходить к келии старца, страх его сменился тихой радостью, и он заочно возлюбил отца Серафима. Вот, что произошло дальше:

«Около келии стояло уже множество народа, пришедшего к нему за благословением. Отец Серафим, благословляя прочих, взглянул и на меня и дал мне знак рукою, чтоб я прошел к нему. Я исполнил его приказание, со страхом и любовью поклонился ему в ноги, прося его благословения на дорогу и на предстоящую войну и чтоб он помолился о сохранении моей жизни. Отец Серафим благословил меня медным своим крестом, который висел у него на груди, и, поцеловав, начал меня исповедывать, сам сказывая грехи мои, как будто бы они при нем были совершены. По окончании этой утешительной исповеди он сказал мне: “Не надобно покоряться страху, который наводит на юношей диавол, а нужно тогда особенно бодрствовать духом и помнить, что хотя мы и грешные, но находимся все под благодатью нашего Искупителя, без воли Которого не спадет ни один волос с головы нашей”. Вслед за тем он начал говорить и о моем заблуждении относительно почитания святых икон: “Как худо и вредно для нас желание исследовать таинства Божия, недоступные слабому уму человеческому, – например, как действует благодать Божия чрез святые иконы, как она исцеляет грешных, подобных нам с тобой, – прибавил старец, – и не только тело их, но и душу, так что и грешники, по вере в находящуюся в них благодать Христову, спасались и достигали царства небесного”. Слушая отца Серафима, поистине я забыл о земном своем существовании. «Солдаты, возвращавшиеся со мною в полк, удостоились также принять его благословение, и он, делая им при этом случае наставления, предсказал, что ни один из них не погибнет в борьбе, что и сбылось действительно: ни один из них не был даже ранен. Уходя от отца Серафима, я положил подле него на свечи три целковых. Но враг вложил мне такую мысль: “Зачем святому отцу такие деньги?” Эта мысль смутила меня, и я поспешил с раскаянием к отцу Серафиму. Я вошел с молитвою к старцу, а он, предупреждая слова мои, сказал мне следующее: “Во время войны с галлами надлежало одному военачальнику лишиться правой руки; но эта рука дала какому-то пустыннику на святой храм, и молитвами святой церкви Господь спас ее. Ты это пойми хорошенько и впредь не раскаивайся в добрых делах. Деньги твои пойдут на устройство Дивеевской общины, за твоё здоровье”. Потом отец Серафим опять исповедал меня, поцеловал, благословил и дал мне съесть несколько сухариков и выпить святой воды, которую, вливая мне в рот, сказал: “Да изженется благодатию Божию дух лукавый, нашедший на раба Божия Иоанна». Старец дал мне и на дорогу сухарей и святой воды и, сверх того, просфору, которую сам положил в мою фуражку. Наконец, получая от него последнее благословение, я просил его не оставить меня своими молитвами. На это он сказал: “Положи упование на Бога, и проси Его помощи. Да умей прощать ближним своим, – и тебе дастся все, о чем ни просишь”. «В продолжение польской кампании я был во многих сражениях, и Господь везде меня спасал за молитвы праведника Своего».

Пришел к старцу один генерал и благодарил его за молитвы. При этом он рассказал ему: «Ваши молитвы я спасся во время турецкой кампании. Окруженный многими полками неприятелей, я оставался сам с одним только полком и видел, что мне ни укрепиться, ни двинуться куда-нибудь: ни взад, ни вперед. Не было никакой надежды на спасение. Я только твердил непрестанно: “Господи, помилуй молитвами старца Серафима”, ел сухарики, данные мне вами в благословение, пил воду, и Бог охранил меня от врагов невредимым». Старец на это отвечал: «Великое средство ко спасению – вера, особенно же непрестанная сердечная молитва».

Высоко ставя пятую заповедь, старец не позволял детям говорить против родителей, даже имевших несомненные недостатки. Один человек пришел к старцу с матерью, которая была предана пороку пьянства. Сын только что хотел заговорить об этом, как отец Серафим зажал ему рукою рот и не дал произнести ему ни слова. Потом он, обращаясь к матери, сказал: «отверзи уста свои» – и, когда она открыла рот, трижды дунул на нее. Отпуская ее, отец Серафим сказал: «Вот вам мое завещание. Не имейте в дому своем не только вина,

но даже и посуды винной, так как (предсказал он матери) ты отселе не потерпишь более вина».

Если кто, спрашивая совета старца, впоследствии не исполнял этот совет, – ему приходилось горько в том раскаиваться. Один рязанский помещик, служивший офицером, просил у старца благословения на вступление в брак. Старец указал ему невесту, назначенную ему Богом. Она жила неподалеку от него, и старец называл ее по имени. Но тот объявил старцу, что женится на другой. «Тебе сия не принадлежит в радость, а в печаль и в слезы!» – ответил ему старец. Он женился по своему выбору, но не прошло и года, как овдовел. Вдовцом он был опять у старца, потом женился на особе, указанной в первый раз старцем, и жил с нею счастливо.

Старец соединял разошедшихся супругов. Супруги Тепловы разъехались вследствие семейных неприятностей. Муж жил в Пензе, а жена в Таганроге. Муж приехал в Саров. Только что старец взглянул на него, как стал говорить: «Зачем ты не живешь с женой? Ступай к ней, ступай!» Слова старца образумили его: он съездил за женой, был с нею в Киеве на богомолье, потом он поселился в деревне, и жили они мирно и счастливо. Известная своим благочестием госпожа Колычева писала знаменитому затворнику Георгию после кончины отца Серафима: «Я видела письма их после известия о смерти старца. Они исполнены горести, что умер отец их и благодетель».

Одна мать потеряла из виду сына, и в страшной горести отправилась к отцу Серафиму. Старец сказал ей, чтоб она подождала в Сарове своего сына три дня. На четвертый день истомившаяся женщина опять пошла к старцу, чтоб проститься с ним. А у него в это время находился ее сын, и, взяв его за руку, отец Серафим подвел его к матери.

Одному иноку выпало на долю счастье слышать рассказ отца Серафима о восхищении его в райские обители. Старец говорил так: «Вот я тебе скажу об убогом Серафиме. Я услаждался словом Господа моего Иисуса Христа, где Он говорит: в доме Отца Моего обители мнози суть. На этих словах Христа Спасителя я, убогий, остановился и возжелал видеть оные небесные обители, и молил Господа Иисуса Христа, чтоб показал мне эти обители. Господь не лишил меня Своей милости. Вот, я был восхищен в эти небесные обители. Только не знаю: с телом ли, или кроме тела, Бог весть: это непостижимо. А о той радости и сладости, которые я там вкушал, сказать тебе невозможно». – Отец Серафим замолчал. Он поник головой, водя рукой около сердца. Лицо его до того просветлело, что нельзя было смотреть на него. Потом снова заговорил: «Если б ты знал, какая радость ожидает душу праведного на небе, ты решился бы во временной жизни переносить всякие скорби, гонения, клевету; если бы келия наша была полна червей, и черви эти ели бы плоть нашу всю временную жизнь нашу, то надобно бы было на это согласиться, чтоб только не лишиться той небесной радости. – Если сам святой апостол Павел не мог изъяснить той небесной славы, то какой же другой язык человеческий может изъяснить красоту горнего селения?»

Помещица г-жа Еропкина передает свое впечатление от одного разговора со старцем. «Я удостоилась услышать от него утешительный рассказ о царствии небесном. Ни слов его, ни впечатления, сделанного им на меня в ту пору, я не в силах теперь передать в точности. Вид его лица был совершенно необыкновенный. Сквозь кожу у него проникал благодатный свет. В глазах у него выражалось спокойствие и какой-то неземной восторг. Надо полагать, что он, по созерцательному состоянию духа, находился вне видимой природы, в святых небесных обителях, и передавал мне, каким блаженством наслаждаются праведники. Всего я не могла удержать в памяти, но знаю, что говорил он мне о трех святителях: Василии Великом, Григории Богослове, Иоанне Златоусте, в какой славе они там находятся. Подробно и живо описал красоту и торжество святой Февронии и многих других мучениц. Подобных живых рассказов я ни от кого не слыхала. Но он точно не весь высказался мне тогда и прибавил в заключение: “Ах радость моя, такое там блаженство, что и описать нельзя!” Вот еще

что вспоминает в первое полугодие по кончине старца Серафима г-жа Колычева в письмах к известному затворнику Задонскому Георгию. “Мне, и в присутствии моем, другим рассказывала генеральша Мавра Львовна Сипягина. Она была больна, чувствовала ужасную тоску, и от болезни не могла в постные дни кушать пищи, положенной уставом церкви. Когда она пришла к отцу Серафиму просить помощи, старец приказал ей напиться воды у его источника. Мавра Львовна напилась. Вдруг, без всякого принуждения, из ее гортани вышло множество желчи, и после сего она стала здорова”. Многим, даже в ранах, отец Серафим приказывал окатиться водою из его источника. Все получали от этого исцеление – и в различных болезнях. «Жизнь батюшки Серафима и чудные дела Божии в нем меня радуют. А как вспомню о его переселении от здешних – глаза полны слез. В бытность у него я так была удивлена им, что нашлась мало о чем поговорить с ним о себе. Только лились неудержимо мои слезы».

Переходя к описанию последних лет жизни великого старца, следует заметить, что в эти годы он одевался несколько иначе, чем прежде. Он носил теперь подрясник из толстого черного сукна. Летом сверху накидывался белый холщовый балахон, а зимой он надевал теперь шубу и рукавицы. От дождя и жары он носил кожаную полумантию с вырезами для продевания. Обувь его составляли: для церкви – кожаные коты; зимою ходил в бахилах, летом – в лаптях. Отдыхал он в сенях или в келии. Спал, сидя на полу, спиной прислонясь к стене и протянув ноги. Иногда клал голову на кирпич или поленья. В самое же последнее время его жизни без ужаса нельзя было смотреть на его сон. Он становился на колени и, поддерживая руками голову, спал, опираясь локтями на пол, лицом к земле.

Небо стало для него действительно близкою, родною стихией. Когда, за два года до кончины его, офицер Каратаев спросил его, не надо ли передать чего его брату и Курским родственникам, старец указал на лик Спасителя и Божией Матери и произнес с улыбкой: «Вот мои родные!» В эту пору своей жизни отец Серафим особенно усердно молился за всех христиан, усопших и живых. В келии отец Серафима горело много лампад, и особенно много пучков восковых свеч большого и малого размера. Они были поставлены на круглых подносах, и от постоянного их горения в тесной келии была постоянная жара. Отец Серафим сам объяснил значение этих свеч почитателю своему Мотовилову: «Я имею, как вам известно, многих особ, усердствующих ко мне и благотворящих моим сиротам (Дивееву). Они приносят мне елей и свечи и просят помолиться за них. Вот, когда я читаю “правило” свое, то и поминаю сначала их единожды. А так как, по множеству имен, я не смогу повторять их на каждом месте “правила”, где следует, – тогда и времени мне не достало бы на совершение моего правила – то я и ставлю эти свечи за них в жертву Богу, за каждого по одной свече; за иных – за несколько человек одну большую свечку, за иных же постоянно теплою лампады; и, где следует на “правиле” помянуть их, говорю: “Господи, помяни всех тех людей, рабов Твоих, за их же души возжег Тебе аз, убогий, сии свечи и кандила”. А что это не моя, убогого Серафима, человеческая выдумка, или, так, простое мое усердие, ни на чем не основанное: то я приведу вам в подкрепление слова Божественного Писания. В Библии говорится, что Моисей слышал глас Господа, глаголавшего к нему: “Моисее, Моисее, Рцы брату твоему Аарону, да возжигает пред Мною кандилы во дни и в ночи. Сия бо угодна есть пред Мною, и жертва благоприятна Ми есть”. – Так вот почему святая Церковь приняла в обычай возжигать во святых храмах и в домах верных христиан кандила или лампады пред иконами».

Трогательна была забота его об умерших. Он сам рассказывал следующее: «Умерли две монахини, бывшие обе игуменьями. Господь открыл мне, как души их были ведены по воздушным мытарствам, что на мытарствах они были истязуемы, потом осуждены. Трое суток молился я о них, убогий, прося о них Божию Матерь. Господь, по своей благодати, молитвами Богородицы помиловал их: они прошли все воздушные мытарства и получили от Бога прощение».

Да, старец Серафим глубоко проник во все, невидимое нашему взору. Та преграда, что существует между земным и небесным, для него, кажется, не существовала. Еще в земном теле казался он бесплотным. Так, сохранился рассказ о том, как видели его на молитве поднявшимся на воздух. Княгиня Е.С.Ш. привезла к старцу больного своего племянника Я., приехавшего к ней из Петербурга. Его на кровати внесли в монастырскую ограду. Старец, как бы ожидая его, стоял у дверей своей келии и просил, чтоб больного внесли к нему. Когда они остались вдвоем, отец Серафим сказал: «Ты, радость моя, молись, и я буду за тебя молиться. Только смотри: лежи, как лежишь, и в другую сторону не оборачивайся». Долго больной лежал не оборачиваясь, послушный слову старца. Но, наконец, любопытство принудило его обернуться, посмотреть, что делает старец. Он увидел отца Серафима стоящим на воздухе в молитвенном положении. От неожиданности он вскрикнул. Старец, кончив молитву, подошел к нему и сказал: «Вот ты теперь будешь всем толковать, что Серафим святой, молится на воздухе. Господь тебя помилует. А... ты смотри, огради себя молчанием, и не открывай того никому до дня преставления моего. Иначе болезнь к тебе опять вернется». Я. вышел от старца сам, хотя и опираясь на костыль. Когда его стали расспрашивать, что делал с ним старец, он упорно молчал. Совершенно оправившись, он вернулся в Петербург, где обыкновенно жил, потом снова отправился к тетке в деревню и узнал здесь о кончине великого старца. То гд а он открыл то, чему был свидетелем.

По всей России среди людей, сколько-нибудь ценивших благочестие, глубоко чтили отца Серафима. Все современные ему русские подвижники благочестия отзывались о нем, как о великом духовном муже. Некоторые епископы писали к нему, спрашивали у него советов. Особенно почитал его Воронежский архиепископ Антоний, которого старец Серафим называл великим архиереем Божиим. Духом отец Серафим знал многих подвижников. Известны, например, его полные изумительной прозорливости отношения к Георгию, затворнику Задонскому, к затворнику Ачинскому (в Сибири) Даниилу Делие. Один посетитель затворника Георгия, увидев у него на стене незнакомый ему портрет, спросил, чей это портрет. То гда Георгий рассказал ему замечательное проявление над ним прозорливости старца Серафима, который тогда уже скончался и которого изображал портрет.

Затворника долгое время смущал помысл, не перейти ли ему из Задонского монастыря в другой монастырь. Два года он боролся с этим помыслом, никому его не открывая. Однажды келейник его докладывает ему, что пришел странник с поручением от старца Саровского Серафима, которое он желает передать лично. Когда странник был допущен к затворнику, он сказал: «Отец Серафим приказал тебе сказать: стыдно-де, столько лет сидевши в затворе, побеждаться такими вражескими помыслами, чтобы оставить сие место. Никуда не ходи. Пресвятая Богородица велит тебе здесь оставаться». Сказав эти слова, престарелый странник поклонился и вышел. Некоторое время, в глубочайшем изумлении тому, что отец Серафим издалека послал ему ответ на тайный помысел, неподвижно стоял затворник. Опомнясь, послал келейника вдогонку за ним, чтоб подробно расспросить его. Но ни в монастыре, ни за монастырем странника не могли уже найти.

За двадцать один месяц до кончины великому старцу Серафиму было дивное посещение Пречистой Девы Богородицы. Как многие, или, лучше сказать, большинство русских преподобных, старец Серафим отличался безграничным, умилительным благоговением к Богоматери. Пресвятая Владычица, начиная с того раза, что в детстве его обещала ему исцеление, неоднократно являлась своему избраннику. Особо же знаменательного посещения Владычицы мира, и уже наяву, старец сподобился в день Благовещения Пресвятыя Богородицы, 25-го марта 1831 года. Свидетельницей этого посещения была Дивеевская старица Евдокия. Отец Серафим накануне знал о благодатном посещении.

Ранним утром, в день Благовещения, отец Серафим, накрыв инокиню своею мантией, стал читать каноны и акафисты. Затем сказал ей: «Не убойся, не утрашися... Благодать Божия к нам является»...

...Сделался шум, вроде ветра, дверь келии сама отворилась, засиял яркий свет, полилось благоухание, раздалось пение. Трепет наполнил инокиню. Отец Серафим упал на колени и, воздевая руки к небу, произнес: «О преблагословенная Пречистая Дева, Владычица Богородица!»

Впереди шли два ангела с ветвями в руках, усаженными только что расцветшими цветами. Они стали впереди. За ними шли: святой Иоанн Предтеча и святой Иоанн Богослов в белой блистающей одежде. За ними шла Богоматерь и двенадцать дев. На Царице Небесной была мантия, как пишется на образе Скорбящей Божией Матери, несказанной красоты, застегнутая камнем, выложенным крестами. Поручи на Ее руках и епитрахиль, наложенная сверх платья и мантии, были тоже выложены крестами. Она казалась выше всех дев. На голове Ее сияла в крестах корона – и глаз не выносил света, озарявшего лик Пречистой. Девы шли за Нею попарно в венцах и были разного вида, но все великой красоты. Келия сделалась просторнее, и ее верх исполнился огней как бы от горящих свеч. Было яснее полудня, светлее солнца.

Долго инокиня была в трепетном забытии. Когда же пришла в себя, отец Серафим стоял уже не на коленях, а на ногах пред Владычицей, и Она говорила с ним как с родным человеком... Девы сказали инокине свои имена и страдания за Христа. То были великомученицы Варвара и Екатерина, Марина и царица Ирина, Пелагия, Дорофея и Иулиания, первомученица Фекла, преподобные Евпраксия и Макрина, мученицы Анисия и Иустина.

Из беседы Пречистой Владычицы с отцом Серафимом инокиня слышала: «Не оставь дев моих (Дивеевских)». Старец отвечал: «О, Владычице, я собираю их. Но сам собою не могу их управить». Царица Небесная сказала: «Я тебе, любимиче Мой, во всем помогу. Кто обидит их, тот будет поражен от Меня. Кто послужит им ради Господа, тот помяновен будет пред Богом». Благословляя старца, Владычица произнесла: «Скоро, любимиче Мой, будешь с нами».

Видение исчезло в одно мгновение. Старец говорил, что оно продолжалось четыре часа.

В последний год жизни великий старец крайне ослабел. Он не мог всякий день ходить в «ближнюю пустыньку» и в монастыре не мог принимать многих. Народ скорбел о том, и многим, чтоб видеть старца, приходилось подолгу жить в гостинице монастырской, чтоб насладиться благоуханием его последних бесед. Все так же сияли в старце дивные дары его: прозорливость, дар исцелений.

Замечательна одна из последних бесед старца, которую он имел с помещиком Богдановым за неделю до своего конца. В день Рождества Богданов очень рано пришел в пустую еще церковь, и увидел, что отец Серафим сидел на полу правого клироса. Он после обедни попросил назначить ему время для беседы. На эту просьбу старец ответил: «Времени не надо назначать; святой апостол Иаков, брат Божий, поучает: аще Господь восхощет и живы будем, сотворим сие и сие». В тот же день, приготовив вопросы, уяснить которые он желал мнением старца, он пришел к нему в келию, и отец Серафим согласился беседовать с ним. Все время беседы он стоял, опершись на дубовый гроб, и держал в руках горящую восковую свечу. На вопрос – продолжать ли службу, или жить в деревне, старец ответил: «Ты еще молод – служи. Добро делай. Путь Господень все равно. Враг везде с тобой будет. Кто приобщается, везде спасен будет. А кто не приобщается – не мню».

На вопрос, учить ли детей языкам и прочим наукам, старец ответил: «Что же худого знать что-нибудь?» В то же время в Богданове мелькнула мысль, что самому надо быть уче-

ным, чтоб отвечать на это. А прозорливый старец тотчас молвил: «Где мне, младенцу, отвечать на это против твоего разума? Спроси кого поумней».

На вопрос, должно ли лечиться в болезнях, старец сказал: «Болезнь очищает грехи. Однако же воля твоя. Иди средним путем. Выше сил не берись. Упадешь, и враг посмеется тебе. Вот, что делай: укоряют – не укоряй. Гонят – терпи. Хулят – хвали. Осуждай сам себя, так Бог не осудит. Покоряй волю свою воле Господней. Никогда не льсти. Познавай в себе добро и зло: блажен человек, который знает это. Люби ближнего твоего – ближний твой плоть твоя. Если по плоти поживешь, то и душу и плоть погубишь. А если по Божьему, то обоих спасешь. Эти подвиги больше, чем в Киев идти».

На вопрос, надо ли, для поддержания своего звания, вовлекаться в издержки, превышающие достатки человека, старец сказал: «Кто как может. Лучше, чем Бог послал. Хлеба и воды довольно для человека». На вопрос, должно ли угождение людям доходить до несогласия с волею Божиею, старец ответил: «За эту любовь многие погибли. Аще кто не творит добра, тот и согрешает. Надобно любить всех, а больше всего – Бога». На вопрос о том, как управлять подчиненными, отец Серафим ответил: «Милостями, облегчением трудов, а не ранами. Напой, накорми, будь справедлив. Аще Бог прощает, и ты прощай». Затем старец говорил: «Что облобызала и приняла святая Церковь, все для сердца христианина должно быть любезно. Не забывай праздничных дней. Будь воздержан, ходи в церковь, разве немощи когда. Молись за всех: много этим добра сделаешь. Давай свечи, вино и елей в церковь. Милостыня много тебе блага сделает». На вопрос о девстве и браке, старец сказал: «И девство славно, и брак благословен Богом. Только враг смущает все».

Богданов спросил, можно ли есть скоромное по постам, если кому постная пища вредна и врачи требуют, чтоб ели скоромное. На это старец ответил: «Хлеб и вода никому не вредны. Как же люди по сту лет жили? Не о хлебе едином жив будет человек... А что Церковь положила на семи Вселенских соборах, то исполняй. Горе тому, кто слово одно прибавит. Что врачи говорят про праведных, которые исцеляли от гниющих ран одним прикосновением?» «Чем истребить гордость и приобрести смирение?» – спросил Богданов. «Молчанием, – отвечал старец. – Молчанием большие грехи побеждают». Прощаясь с Богдановым, старец благодарил его «за посещение его убожества» и хотел поцеловать ему руку, кланяясь все ему до земли; наделил его сухариками, прося раздать их его подчиненным. Старец говорил на этот раз чрезвычайно поспешно. Не успевал Богданов прочесть записанный на бумажке вопрос, как уже следовал ответ.

То, что сказано старцем в этой беседе, представляет собою правила жизни для мирянина, идущего средним путем – без особых подвигов, но не забывающего о Боге.

Свидевшись с истинным подвижником, старцем Тимоном, которого не видал 20 лет, отец Серафим говорил ему: «Сей, отец Тимон, сей, всюду сей данную тебе пшеницу. Сей на благой земле, сей и на песке, сей на камени, сей при пути, сей и в тернии. Все где-нибудь да прозябнет и возрастет, и плод принесет, хотя и не скоро». Благословляя при прощании исцеленную им за пять месяцев до кончины монахиню, которая спрашивала его, может ли она надеяться еще увидеть его, старец, указывая рукою на небо, сказал: «Там увидимся. Там лучше, лучше, лучше!»

Отец Серафим стал готовиться к концу. Он все реже и реже выходил в пустыньку, все менее принимал у себя. Его нередко видали в сених. Он сидел у приготовленного им для себя гроба и размышлял о смерти и загробной участи. Часто он горько плакал. Теперь, прощаясь со многими, старец утвердительно говорил: «Мы не увидимся более с вами». Когда некоторые говорили о своем желании приехать в Саров Великим постом, старец отвечал: «Тогда двери мои затворятся. Вы меня не увидите». Старец все был бодр – но, видимо, жизненная сила догорала. «Жизнь моя сокращается, – говорил он некоторым, – духом я как бы сейчас родился. А телом по всему мертв».

В августе, за четыре месяца до конца отца Серафима, вновь назначенный в Тамбов преосвященный Арсений, впоследствии митрополит Киевский, был в Сарове и посетил отца Серафима. Старец поднес архиерею в подарок четки, пук восковых свеч, свернутых в холстину, бутылку деревянного масла и шерстяные чулки. Затем отдельно он принес ему бутылку красного церковного вина. Все это означало, что старец просит по смерти своей помянуть себя... Свечи, масло и вино, сбереженные преосвященным, были употреблены на ту литургию, которую он совершил о упокоении старца, когда получили известие о кончине его. А прочие предметы преосвященный оставил у себя. Отец Серафим приказал послать некоторым лицам письма, приглашая их поспешить приездом. Также поручил передать разным другим лицам, которые не могли приехать, нужные для них наставления. «Сами-то они меня не увидят», – объяснял старец.

Перед Новым годом старец отмерил себе могилу у алтаря Успенского собора, на месте, на котором когда-то, выйдя из затвора, положил камень. Как-то в эту пору один инок, изумляясь жизни отца Серафима, спросил его: «Почему мы, батюшка, не имеем такой строгой жизни, какую вели древние подвижники благочестия?»

– Потому, – отвечал отец Серафим, – что не имеем к тому решимости. Если б решимость имели, то и жили бы так, как отцы, в древности просиявшие. Потому что благодать и помощь Божия к верным и всем сердцем ищущим Господа Бога ныне та же, какая была и прежде. Ибо, по слову Божию, Иисус Христос «вчера и днесь, той же и во веки».

Эти слова можно считать как бы печатью жизни отца Серафима.

Да, он, в одном человеческом существе вместивший столько подвигов, на пространстве одной жизни соединивший в себе крепость, ревность, пыл как бы многих великих людей; да, он, по правде, доказал своею жизнью, что все та же благодать, вдохновлявшая первых великих преподобных, воспитавшая величайших мужей Церкви: и теперь, нисколько не оскудев, пребывает в Церкви, лишь бы искали люди черпать из этого источника, только бы имели решимость к Богу одному стремиться, Бога одного желать. Тем и велико значение отца Серафима, что в его лице заветная крепость прежних времен воскресла. Столь же высоко парил дух его, как отцов первых христианских церквей. И потому столь же поразительна, выходя из всяких обычных рамок, была и жизнь его. Вот трогательный завет, переданный старцем одной Дивеевской инокине и, конечно, относящийся и ко всем чтущим его:

«Когда меня не станет, ходите, матушка, ко мне на гробик. Ходите, как вам время есть. И чем чаще, тем лучше. Все, что ни есть у вас на душе, все, о чем ни поскорбите, что ни случилось бы с вами – со всем придите ко мне на гробик. Да, припав к земле, как к живому, и расскажите. И услышу вас, и скорбь ваша пройдет. Как с живым, со мной говорите. И всегда для вас жив буду». Сестер Дивеевских старец поручал заступлению Царицы Небесной.

Наступил первый день 1833 года, пришедшийся на воскресенье. Отец Серафим общился за ранней обедней в дорогом ему храме Соловецких чудотворцев. И, чего не делал раньше, обошел все иконы, прикладываясь ко всякой и ставя свечи. После службы он простился со всеми молившимися монахами, благословил, поцеловал и говорил: «Спасайтесь, не унывайте, бодрствуйте, днесь нам венцы готовятся!» Три раза в этот день старец выходил на место, назначенное для погребения его, и долго смотрел в землю. Вечером было слышно, как он в келии своей поет пасхальные песни.

В конце ранней литургии 2 января отец Серафим был найден в своей келии почившим в молитвенном коленопреклоненном положении. Старца схоронили на выбранном им месте, у стены Успенского собора, в приготовленном им задолго до смерти дубовом гробе. На грудь, по его завещанию, положили ему финифтяное изображение Преподобного Сергия. Впоследствии над гробом его поставлен тяжелый памятник. В недавнее время вокруг могилы устроена часовня со стеклянными стенами. Там размещены большие картины, изоб-

ражающие старца кормящим медведя, старца у ближней пустыньки, блаженную кончину старца и благодатное посещение его Пресвятою Богородицею.

Келия его в последние годы обведена храмом, в котором она служит алтарем. Обе «пустыньки» – избы из ближней и дальней пустыnek перенесены в Дивеев. В одной из них устроен алтарь, где хранятся разные предметы, принадлежавшие отцу Серафиму. В другой, на память о старце, раздают кусочки ржаного хлеба, как делал это он сам. Камень, на котором старец Серафим молился тысячу ночей, был разобран по кусочкам богомольцами на благословение. От него остался лишь небольшой кусок. Во многих русских благочестивых семьях можно встретить обломки этого камня с изображением на них молящегося коленопреклонно на камне, с воздетыми руками, отца Серафима. Что-то трогающее до слез, привязывающее сердце какою-то невыразимою властью есть в существе дивного старца. Счастлив, кто будет призывать его! Справедлив отзыв о нем «великого архиерея Божия» архиепископа Антония Воронежского: «Он как пудовая свеча, всегда горит пред Господом, как прошедшею своею жизнью на земле, так и настоящим дерзновением пред Святою Троицею».

Немногие праведники прославлялись столь скоро после кончины своей, как отец Серафим. Все эти 70 лет, отделяющие нас от дня его преставления, – полны проявлениями его жизни, его любви и сострадания. Вот некоторые из чудес старца.

Из письма П. И. Архипова из Москвы от 7 октября 1869 года: «Приношу мою искреннюю благодарность за присылку жене моей Марии Николаевне образа на финифти с изображением Богоматери и отца Серафима, молящегося пред нею. Образ этот вручен был во время тяжелой болезни утром пришедшею монахиною. Жена моя за несколько времени пред этим видела во сне, или даже наяву – ибо она была в беспамятстве, – что отец Серафим хлопотал и заботился около нее, обливая ее теплою водою. Когда же она опомнилась, то вся была в поту. Тут ей дали присланный вами образ, и с сей минуты она начала выздоравливать, тогда как злая горячка, вместе с пузырьчатою рожей, совершенно свели ее было в могилу. Я и каждый из членов моего семейства свидетельствуем, что молитва преподобного отца Серафима велика пред Богом. Много, много было с нами чудных случаев, уверивших нас в его пред Богом заступлении».

Письмо Марии Григорьевны Сабуровой:

«Во Имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь: Я удостоилась во время сильней тифозной горячки видеть угодника Божия отца Серафима в видении, будто бы я пришла в Саровскую пустынь, и старец отца Серафим послал меня в Дивеевскую обитель. И, когда в видении представилась пустынь, в ней недоконченный храм, а на воздухе над храмом я увидела икону Божией Матери: святой отец Серафим сказал мне от имени Царицы Небесной, что я буду жива, болезнь моя не к смерти. Старец еще сказал: “И нынче у вас траура не будет, а в будущем 1869 году будет траур”. Это видение тут же, не пришедши еще в сознание, я рассказала всем присутствующим, а, опаматовавшись, опять повторила видение. Все, что я видела, исполнилось. И траур в нашем семействе случился неожиданный чрез десять месяцев. Брат моего мужа, молодой человек, камергер Николай Дмитриевич Сабуров, умер за границей. В виденном подписываюсь: М. Г. Сабурова. Свидетельницами при этом видении были: А. М. Языкова, Т. С. Узнанская, В. Г. Языкова».

Марфа Толстова, крестьянка Пензенского уезда села Заянчкого, 50 лет от роду, была совершенно слепая 14 лет и видела во сне старичка, повелевшего ей побывать в Сарове, где она получит исцеление. «Взгляни на меня!» – говорит ей старец во сне, и она ясно различала его. «Поди, – приказал он, – на Серафимов источник, умойся, и, взяв из него воды, подымись на гору, до камня; нагнувшись, помочи глаза и исцелишься от слепоты». 29-го июня 1873 года исполнилось все сказанное, она в Сарове прозрела.

В октябре 1874 года было получено в Дивееве письмо нижегородской помещицы Каратаевой: она просила прислать масла из лампадки от образа отца Серафима. Это масло, привезенное из Дивеева, давала ей ее двоюродная сестра княгиня Чегодаева, и оно излечило Каратаеву от сильнейшего ревматизма.

Княгиня А. С. Кугушева писала Дивеевской игумении Марии: «Вы не можете себе представить, какое страдание я выносила. Ух о мое и челюсть моя до того разболелись, что я ночи не спала и не могла уложить голову, чтоб успокоиться. Одно благодетельное средство — это полотенчико батюшки Серафима. Едва уложу его на больное место, как успокоится боль, и я засну».

Письмо к Дивеевской игумении, матери Марии, В. С. Волкова: «Дивен Бог во святых Своих. 17-го числа сего месяца в моей семье совершилось, по молитвам батюшки отца Серафима, чудное по мгновению своему исцеление трехлетней внучки моей Ольги, которая, будучи весела и играя, вдруг впала в изнеможение, глаза ее помутились, она смотрела дико, как умалишенная, руки ее были сведены, и на делаемые ей вопросы, так как язык у ней отнялся, не могла отвечать. Мать ее прибежала ко мне в слезах, растерянная и как сумасшедшая, прося меня дать ей чего-нибудь святого. Я немедленно велел принести водицы из источника отца Серафима и полученные мною от вас, в память его раздаваемые, сухарики, дал моей больной, которая, сделав глотка три водицы, тотчас пришла в себя и стала говорить. А когда съела три размоченных в той же воде сухарика, то глаза ее и руки приняли свой постоянный вид и она начала смеяться и играть, и по сие время здорова».

Протоиерей Арзамасского собора Светозарский писал в Дивеево 26 апреля 1873 года: «Со второй недели минувшего поста постигло меня посещение Божие тяжкою простудою, от которой возникла нестерпимая боль внутри. На четвертой неделе она усилилась до такой степени, что я ожидал себе конца. С 16 марта на 17-е в часу первом по полуночи сам предстал угодник Божий видимо пред моею кроватью и на коленочках питал меня какою-то сладкою пищей, вроде пирожков. Приказал мне сейчас же читать акафист Божьей Матери, который я знал изустно. Я читал твердо, а отец Серафим продолжал свое дело меня кормить и вдруг исчез, после чего в один момент болезнь моя уничтожилась».

И как обаятельно милостив, ласков, заботлив великий старец в таких явлениях своих. И какие теперь потоки потекут от его благодетельных, знамений, исцелений!

Дивный старец Серафим, помогай нам!

Кончина праведных и последние дни земной жизни старца Серафима (2 января 1833–1903 гг.)

Смерть, представляющаяся ужасом, жестокою, роковой гостьею для людей, живущих по «образу мира», забывших о Боге и равнодушных к вечности: эта же смерть желанна для человека, жившего чистою духовною жизнью, считавшего себя на земле гостем на краткое время и ожидавшего конца земного своего бытия как начала блаженной и ликующей вечности. Разве земная жизнь для христианина не кажется временем печального изгнания, а смерть – возвращением в отчизну, освобождением от тяжкого плена земли? Кто из людей, хотя бы временами не угнетавший в себе духа, хотя бы лишь порывами живший духовною жизнью, не ощущал в себе этой невыразимой тоски по небу, этой глубокой неудовлетворенности землею с ее ничтожными радостями, в самом веселии которых слышится грусть.

И если мирские люди в лучшие свои минуты тоскуют по небу, – то как велика должна быть эта тоска в Божьих избранниках, как сильно их желание вернуться к Богу. Невольно вспоминаются эти ясно выраженные в жизни людей Божьих не ослабевающие порывы к иной жизни.

«Желание имею разрешиться (от уз плоти), – восклицает божественный Павел, – и со Христом быть!»

Это желание, этот призыв Бога и мольба взять к себе поскорее душу слышатся в акафисте преосвященного Иннокентия Херсонского Животворящим Таинствам Христовым, в заключительных восклицаниях икосов: «Иисусе, Боже сердца моего, прииди и соедини мя с собою на веки!»

Оно звучит в заключительных словах «молитвы честному кресту», где говорится о небесной жизни: «Прославлю самым лица зрением Верованного, одержанием Чаянного, и наслаждением – Любимого, единого в Троице Бога, славимого в бесконечные веки». Достигши высших ступеней духовности, знаменитый подвижник, старец Парфений Киевский, с нетерпением и радостью ожидая дня смерти, сидя у давно приготовленного им для себя гроба, говорил с восторгом о том, как душа, покинув тело, просияет, как солнце, и будет с удивлением смотреть на свою смрадную темницу; а смерть этот человек называл «возвращением от земного, бедственного, многоплачевного, скучного, прискорбного и болезненного странничества в небесное, любимое, блаженное, покойное, всевеселящее, немерцающее, бессмертное, некончаемое, вечное и неизреченное отечество».

Есть замечательное произведение искусства, с необычайною силою выражающее это стремление святых душ к Богу и радость «соединения с Ним на веки». Это картина «Преддверие рая» Васнецова, помещенная по поясу купола в Киевском Князе – Владимирском соборе. Там множество святых со стремительностью летят к открывшемуся для них блаженству. И среди различного проявления торжества, радости, ликования это чувство стремительности составляет главную черту картины. «Желание имый разрешиться»: то есть – пылаю, сгораю жаждою Христа.

И вот отчего смерть людей, столь убежденных в наследии вечности: и для них самих, и для тех, кто видит ее, или только слышит, представляется великим духовным торжеством. Вот отчего эти дни становятся по церковном прославлении таких людей праздниками, «Смерть грешника люта» – и, думается, редко в жизни можно встретить что-нибудь ужаснее смерти человека, во время земной своей жизни не думавшего о вечности, когда эта вечность, теперь несомненная и как бы осязательная, открывается пред ним. Эта борьба против смерти, вопли: «я жить хочу!», это как бы хватание за жизнь с безумной надеждой удержать ее, укрыться в нее от надвигающихся видений потусторонней жизни: есть одно

из печальнейших зрелищ, какие дает извращение человеком своей божественной природы, и одно из самых ярких, бьющих доказательств бессмертия души и вечности.

Но как спокойна, ясна кончина праведных! Умирание их тела подобно тихому падению с ветки на мягкую мураву сочного, созревшего плода. В большинстве случаев оно вовсе безболезненно, или если даже острая болезнь разрушала организм: тихи предсмертные часы праведника.

Не бесполезно, по слову Апостола, «взирая на окончание жительства» праведников, «помянуть веру их», и мы, прежде чем перейти к повествованию о блаженной кончине старца Серафима Саровского, припомним обстоятельства кончины некоторых других подвижников.

Нельзя без глубокого волнения читать о кончине святителя Дмитрия Ростовского. Этот великий подвижник, оставивший своему народу величайшее духовное сокровище – Четью mineю – и не один только свой век, но и последующие времена огласивший «пасырской свирелью богословствования своего», своими дивными проповедями, еще не в старых для его сана летах, тихо догорал в суровом климате Ростова, вдали от родной, теплой Украины с ее задумчивыми тополями, с пронзительным светом ее звезд... Непосильные труды, за всю жизнь напряжение сил душевных, наконец, множество огорчений изнурили силы святителя. Но из слабеющих рук перо, под этою рукой написанное столько вдохновенных страниц, не выпадало до последнего дня. Еще 27 октября 1709 года он пишет старому собеседнику своему иноку Феологу: «По истине возвещаю ти, яко немоществую. До чего ни примусь, все из рук падет. Дни мне стали темны, очи мало видят, в ночи свет свещный мало способствует, паче же вредит. А недугование заставляет лежать да стонать». Вечером того же дня митрополит велел позвать своих певчих. Он сидел у печи и грелся, а певчим велел петь сложенные им канты: «Иисусе мой прелюбезный, надежду мою в Боге полагаю, Ты мой Бог Иисусе, Ты моя радость». – Послушав пения, митрополит отпустил певчих и удержал только преданнейшего ему певчего «и усерднейшего в трудах ему помощника», «бельца» Савву Яковлева, который был переписчиком набело его сочинений: труд по тому времени не малый. Очевидно, святителю хотелось иметь в ту минуту около себя живую душу, поделиться своими мыслями, воспоминаниями. И стал митрополит рассказывать бельцу Яковлеву о своей юности среди благословенной Украины, о порывах к Богу, о молодом рвении к молитвам, и заключил свой рассказ словами: «И вы, дети, такожде молитесь!» Наконец, святитель отпустил певчего словами: «Время и тебе, чадо, отойти в дом твой». Он благословил его, и, провожая его, в виде благодарности за переписку сочинений, поклонился ему почти до земли. Яковлев был очень смушек, а святитель произнес последние слышанные от него на земле слова благодарности: «Благодарю тя чадо!» – и вернулся к себе в келью, а певчий расплакался и ушел. Отпустив служителей, митрополит Дмитрий вошел в особую келью, где он обыкновенно молился. На следующее утро он был найден почившим в коленопреклоненной молитве.

Величественна была кончина кроткого митрополита Киевского Филарета, который прощался с духовенством, передавал для доставления государю последние приветствия любви и последние благословения.

Митрополиту Московскому Филарету незадолго до конца явился отец его во сне и сказал ему: «Береги 19-е число». Настал воскресный день 19 ноября 1867 года, и митрополит в домашней церкви своей совершил литургию, по замечанию окружающих, особенно бодро и вдохновенно. Через несколько часов он был бездыханен.

В 1857 году стал быстро угасать знаменитый проповедник архиепископ Херсонский Иннокентий. Но он не бросал занятий. Накануне смерти выезжал, читал корректуру сочинения своего: «Последние дни земной жизни Спасителя». Настал Троицын день, 26 мая. Он встал в 5-м часу, прошелся по комнате, поддерживаемый служителями, затем прилег.

Почувствовав приближение смерти, он велел приподнять себя и тихо скончался коленопреклоненный на руках двух келейников.

В Пензе 10 октября 1819 года на 36-м году от роду почил праведный епископ Иннокентий, пострадавший за свою православную ревность во время господствовавшего тогда и подерживаемого министром духовных дел князем А. Н. Голицыным протестантского направления. В ночь пред кончиною он позвал к себе келейника и сказал ему: «Какое дивное видение мне представилось! Казалось мне, что небеса отверзлись. Двое светлых юношей в белых одеждах, слетев с высоты, предстали предо мной и, с любовью смотря на меня, взяли меня, немощного, и вознесли с собою на небо. Сердце мое исполнилось несказанной радости, и я пробудился».

10 октября утром он просил пособоровать его и, напрягая последние силы, повторял молитвы и несколько подымался при помазании елеем. Потом язык стал неметь, дыхание прерываться, он крестообразно сложил руки на груди; окружающие развели их, чтоб не затруднять дыхания, но он опять сложил их крестом. Пред самым концом один из окружающих стал читать псалмы. При словах: «Аз к Богу воззвах, и Господь услыша мя», — капли слез выкатились из глаз умирающего; на словах же: «Аз же, Господи, уповаю на Тя», — преосвященный Иннокентий вздохнул в последний раз и тихо предал дух Богу.

Прекрасен был конец почившего 20 декабря 1846 года архиепископа Воронежского и Задонского Антония, одного из славных подвижников XIX века, находившегося чрез пространство, никогда не видав его, в замечательном духовном общении с великим старцем Серафимом, чему пример увидим ниже. Накануне смерти он сказал плачущему племяннику: «Я еще не умру: мне Божия Матерь сказала, что нужно дела кончить». Проведя ночь в молитве, архиепископ Антоний 20-го утром назначил быть в 6 часов пополудни соборованию, послал на почту денежные письма бедным и роздал милостыню пришедшим к нему. Викарию своему он сказал: «Никакого не чувствую страха, желаю разрешиться и быть со Христом». Сделав некоторые распоряжения, владыка стал молиться. В 6 часов началось торжественное молебствие, длившееся час. Архипастырь сидел в креслах со свечою и сам прочел последнюю молитву: «Простите мя, отцы и братия». Благословив всех, он перешел с кресел на кровать. Осенив обеими руками, разрешил всех, находившихся под запрещением, и отпустил затем всех присутствующих. Через четверть часа преосвященный сильно постучал в двери, призывая своих чад, и настала величественная, торжественная минута. Архиепископ в последний раз возложил крестообразно руки на головы присутствующих; духовник стал читать отходную; в руки архипастыря вложили горящую свечу; с окончанием отходной архиепископ Антоний тихо предал дух Богу.

14 декабря 1839 года, на 43-м году, после 22-летнего затвора, почил Сезеновский затворник Иоанн, основатель женской Сезеновской обители. Он скончался наедине. Долго не получая от него никаких признаков жизни, выломали двери кельи, в которой он находился в затворе, и нашли его мертвым, у аналая, пред иконою Богоматери. Тело его было немного наклонено на правый бок. Правая рука, стоя на локте, поддерживала голову, а левая лежала на ладони правой. Лицо было обращено к иконе.

В ночь на 25 мая 1836 года, на 47 году от рождения, после 17-летнего затвора, скончался знаменитый затворник Задонский Георгий, происходивший из дворянского рода Машуриных и до 28-летнего возраста служивший офицером Лубенского гусарского полка. Он тоже скончался без свидетелей, и после ранней обедни был найден бездыханным пред образом Всех Святых и Страшного суда, припадшим к земле. Лицо его было как живое. Пальцы правой руки, сложенные крестным знамением, прикасались к челу.

Старец Парфений Киевский, имевший необыкновенное, умиленное, нежное усердие и детскую любовь к Богоматери, умер в тот самый праздник Благовещения Пресвятой Богородицы, который он особенно любил и о котором говаривал: «Буди благословен и пре-

благословен и преблагословен день Благовещения Пресвятые Владычицы нашей Богородицы». В 1855 году в этот самый праздник, совпавший тогда со Страстной пятницей, отец Парфений был найден бездыханным, сидящим как бы в глубокой думе у дверей келейной своей церкви.

29 августа 1886 года был найден в своей келье почившим подвижник Иверского Валдайского монастыря монах-молчальник Пахомий. После ранней обедни его нашли стоящим на коленях, у изголовья койки; в руках он держал четки; лицо его было озарено радостною улыбкой, а глаза сомкнуты.

Велика была святость смерти этих людей. Но еще сильнее впечатление производит блаженная кончина старца Серафима Саровского, одного из великих избранников Божиих. К описанию этой кончины мы теперь и перейдем.

Жизнь отца Серафима была сплошным вольным мученичеством. С раннего возраста вступив на путь подвижничества, он чем дальше шло время, тем более усиливал эти подвиги. Жизнь его была страшною, ежедневною борьбою со врагом спасения. Если он и посрамил врага силою Божиею, если ни разу не был им посрамлен, то победа досталась ему страшно дорогою ценою. Ему пришлось для одоления врага нести величайшие труды. Пост столь строгий, что около трех лет в пустыне он питался единственно отваром горькой травы снитки, тысячедневное и тысяченощное моление на камнях, затворничество, молчаличество были орудиями, которыми он одержал победу, но орудиями, тяжело, болезненно отразившимися на подвижнике. Недаром вырвалось у него признание, что он боролся со врагами, как «со львами и леопардами». Недаром он, уже прославленный старец, все томил себя, не находил возможным жить без внешней муки. Когда его спрашивали, зачем он носит на спине тяжелую котомку, набитую песком и камнями, он кратко отвечал: «Томлю томящего мя!» Если вдуматься в эти слова, какое в них значение!

Да, можно сказать, что темное ополчение дошло в отношении старца до явной видимой борьбы. Так, известно, что, когда старец неотступным молением нескольких дней вымолил одну совершенно погибшую душу, темное полчище нанесло старцу страшную физическую рану, следы которой не проходили у него до смерти.

Пришел Прохор Мошнин в Саров молодым, стройным, крепким, с прекрасным здоровьем, обладая чрезвычайною физическою силою. А что представлял он собою в эпоху старчества? Изувеченный старец, согбенный после того, как был избит почти до смерти разбойниками, которые напали на него в пустынной келье, требуя от него денег, чего у него не было, и от которых он не защищался, хотя, по необыкновенной силе своей, и мог бы с ними справиться. Между лопатками была у него страшная рана, нанесенная ему, как выше было сказано, за избавление им души человеческой. На ногах, от долговременного стояния, были неизлечимые раны, и из них постоянно текла сукровица... А он все продолжал «томить томящего его», отдыхал на коленях, а в последнее время изобрел мучительный образ сна, на который нельзя было смотреть без боли; спал, стоя на коленях, опустив голову книзу и поддерживая ее стоящими на локтях руками.

Такова была внешняя жизнь его... А нравственная? К нему со всех концов России люди несли свое горе, часто безвыходное, свои нравственные язвы, свое отчаяние, свои недоумения, свои страдания... Если чей, то именно его слух был ежеминутно поражаем тем тяжелым скорбным стоном, что стоит над землей, что вылетает не переставая, сливаясь в один нескончаемый аккорд невыразимой грусти, из стесненной груди страждущего человечества. И все это горе, нужду и страдание надо было разрешать, утешать, исцелять. Конечно, если б в отце Серафиме не действовала в столь сильной степени благодать, — он бы был, так сказать, нравственно раздавлен этим невыносимым грузом людского несчастья, на него склонявшегося. И потому лишь он мог, ходя утешителем среди этой разъярившейся бури человеческого несчастья, сохранять ясность духа и не только не быть подавленным этою

мрачную картину, но смело, властно и уверенно утешать людей, указывая им путь вперед, увлекая их мысли к блаженной вечности и врачую их настоящие язвы елеем сладостной надежды: что эта вечность для него самого стала как будто не только видимым взорами маяком, не только отвлеченным упованием сердца, но чем-то как бы уже воспринятым и усвоенным, как бы на опыте изведанным и уже неотъемлемым.

Представьте себе человека, который, окруженный грозною бурей, вдруг почувствовал веяние тишины, еще недоступное его спутникам, и успокаивает их предвещанием близкого умирения стихий. То же было и с отцом Серафимом. Ему уже на земле приходилось не раз как бы залетать в жизнь небесную, и потому он мог говорить о ней с такою уверенностью.

Но, как бы ни безмерна была благодать, сиявшая над крестоносным путем этого удивительного человека, труден, невыразимо тяжел был его путь. И более чем кто-нибудь он имел право чувствовать усталость от жизни и желать «во блаженном успении вечного покоя». Конечно, то бы не был покой в нашем грубом, житейском смысле, а лишь огражденность от бедствий и трудов земли и восхождение на все высшие и высшие степени жизни духовной в созерцании Божества. То, что ему временами так полно открывалось – ему, видевшему воочию человеческий образ Христа, грядущего с силою и славою многою, и Царицу Небес, и святых церкви – должно было стать для него постоянным видением. И кто, как не он, с нетерпением должен был ждать этой встречи на вечность с Тем, Кому он отдал всякое дыхание своей жизни; кто, как не он, должен был рваться «прославить самым лица зрением Ветованного, одержанием – Чаянного и наслаждением – Любимого».

Одно могло еще удерживать старца на земле: великость его любви к человечеству, – той любви, что горела в нем всегда таким горячим пламенем и к концу его жизни охватила его существо каким-то стихийным, бурным пожаром. Но предчувствие говорило ему, что за смертью земною дело его любви не прекратится и что так же близок, и много ближе еще, и скорее к слышанию будет он для всякого, кто придет к нему с утесненным сердцем.

Как велико должно было быть в последние годы его жизни устремление великой души старца Серафима к небесной отчизне! С детства не имел иной мысли, кроме мысли о Боге, проводя всю жизнь в непрестанной беседе с «чаемым» Богом, как он должен был ненасытимо желать, наконец, увидеть Его, прийти к Нему навсегда. То великое видение, то общение с небожителями, какое дано ему было во время посещения его 25 марта 1831 года Царицею Небесною, проведенное, по преданию, несколько часов в беседе с ним и простившееся с ним словами: «Скоро, любимиче мой, будешь с нами», – должно было еще более распалить желание дивного старца «разрешиться и со Христом быть». Такого должно было быть, насколько грешные люди могут догадываться о сокровеннейших движениях избраннейших, святых душ: таково должно было быть душевное состояние старца Серафима в последнее время его земной жизни.

Надо удивляться, сколько бодрости было еще в теле страшно изнуренного 72-летнего старца, который еще раньше смерти чувствовал, что физически он уже мертв. «Телом я по всему мертв, – сказал он как-то, – а духом точно сейчас родился».

Мысль о близкой смерти – близкой уже потому, что он почти дошел до обыкновенного предела человеческой жизни, вступив в восьмой десяток, приводила его в восхищение. Как-то одна монахиня, приходившая в Саров навестить его, спросила его, прощаясь с ним, когда они увидятся. «Там увидимся!» – сказал ей прозорливый старец; и, подымая руки к небу, воскликнул: «Там лучше, лучше, лучше!»

Он не оглядывался уже на землю. Уже родственные связи для него не существовали, и он как бы был в том состоянии небожителей, в котором все земное одинаково дорого, без всяких пристрастий; дорого лишь постольку, поскольку нуждается в помощи небожителя, но не захватывает его, не подчиняет и не привязывает его к себе.

Один заехавший к старцу за благословением офицер спросил старца, так как направлялся на его родину, в Курск, не прикажет ли он передать какого-нибудь поручения его курским родным. В ответ на это предложение старец подвел молодого человека к иконам и, с улыбкою любви глядя на них, сказал, указывая на них рукою: «Вот мои родные. А для земных родных я живой мертвец».

Уже много десятилетий в сенях при келье отца Серафима стоял дубовый гроб, сделанный его собственными руками, так как он был искусен в столярном деле, и давно было им отмечено тяжелым камнем место, избранное им для могилы, у алтарной стены. Слишком за год до смерти отец Серафим начал прощаться с посещавшими его почитателями, и говорил им: «Скоро двери убогого Серафима затворятся, и меня более не увидите». К некоторым он приказал написать письма, чтобы приехали проститься с ним. На письма других, просивших его совета и благословения повидаться с ним, диктовал устные ответы, не распечатывая писем, и говорил, что более не увидится с этими людьми.

Как-то, говоря в ближней пустыньке с одною дивеевскою старицею, старец пришел от представления чаемого блаженства в восторг. Он встал на ноги, воздел руки и, смотря на небо, говорил: «Какая радость, какой восторг объемлют душу праведника, когда ее срезают ангелы и представляют пред лице Божие!» Старец много думал о том, что инокини дивеевские останутся после смерти его без опоры и поддержки, и говорил: «Я силами ослабеваю. Живите теперь одне. Оставляю вас. Искал я вам матери, искал – и не мог найти. После меня никто вам не заменит меня. Оставляю вас Господу и Его Пречистой Матери».

Нередко старец, сидя в сенях у своего гроба, размышлял о загробной жизни. Земной его путь казался ему столь несовершенным, что он горько плакал. Кто-то в конце 1832 года спросил его: «Почему мы не имеем строгой жизни древних подвижников?» На это старец дал ответ, который объясняет всю его удивительную жизнь, прямо невероятную для века, в который он жил: «Потому не имеем, что не имеем решимости. А благодать и помощь Божия верным и всем сердцем ищущим Господа ныне та же, какая была и прежде – и мы могли бы жить, как древние отцы. Ибо, по слову Божию, Иисус Христос вчера и днесь, той же и во веки.

Вот еще предсмертный завет одному твердому подвижнику, Тимону, пришедшему проститься со старцем: «Сей, отец Тимон; сей, всюду сей данную тебе пшеницу. Сей на благой земле, сей на песке, сей на камени, сей при пути, сей и в терне: все где-нибудь да прозябнет и возрастет, и плод принесет, хотя и не скоро. И данный тебе талант не скрывай в земле, да не истязан будешь от своего господина, но отдавай его торжникам. Пусть куплю деют».

Как-то в последнее время жизни старца один брат саровский, придя к нему вечером, спросил у него, почему, против обыкновения, в келье отца Серафима темно. Едва старец сказал, что нужно зажечь лампаду, и трижды перекрестился, произнося: «Владычица моя, Богородице», – как лампада зажглась сама собою. Тот же брат пришел к нему в другой раз в семь часов вечера и застал его в сенях стоящим у гроба. Старец давал этому брату огня из своей кельи на благословение, и вот за этим огнем брат теперь и пришел к нему. Когда он отворил дверь в келью, отец Серафим сказал: «Ах, лампада моя угасла, а надобно, чтобы она горела», – и стал молиться пред образом Богородицы. В это время пред иконою появился голубоватый свет, потянулся подобно ленте, стал навиваться на светильню большой восковой свечи, и она зажглась. Старец, взяв маленькую свечку и засветив ее от большой, дал ее в руки пришедшему брату и начал беседовать с ним. Во время беседы старец, между прочим, упомянул, что на днях будет в обитель из Воронежа гость, назвал его имя, сказал, что следует передать гостю, и добавил: «Он меня не увидит». Лицо старца во время этого разговора сияло светом. Наконец старец сказал: «Дунь на эту свечку!» Брат дунул, и свеча погасла.

– Вот так, – сказал задумчиво старец, – угаснет и жизнь моя, и меня уже более не увидят.

Понял тогда брат, что старец говорит о конце своем, и заплакал. И опять какой-то свет озарил лицо старца, и, поцеловав инока, он с великою любовью сказал ему: «Радость моя, теперь время не скорби, но радости. Если я стяжу дерзновение у Господа, то повергнусь за вас ниц пред престолом Божиим». Чудные слова, вливающие такую отраду в людей, чуждых старца...

Тут старец открыл иноку великую тайну своей жизни.

«Некогда, – сказал отец Серафим, – читая в Евангелии от Иоанна слова Христа Спасителя: “в дому Отца Моего обители мнози суть”, я, убогий, остановился на них мыслию и возжелал видеть сии небесные обители... Пять дней и пять ночей провел я во бдении и молитве, прося у Господа благодати сего видения. И Господь, по великой Своей милости, не лишил меня сего утешения: по вере моей показал мне сии вечные кровы, в которых я, бедный странник земной, минутно туда восхищенный (в теле или бестелесно – не знаю), видел неисповедимую красоту райских селений и живущих там: Великого Предтечу и Крестителя Господня Иоанна, апостолов, святителей, мучеников и преподобных отцов наших Антония Великого, Павла Фивейского, Савву Освященного, Онуфрия Великого, Марка Фраческого и других святых, сияющих в неизреченной славе и радости»... Также в последнее время жизни своей открыл старец и другие чудные события своей жизни, как-то: моление на камнях.

Вот как открыт был в последнее время отцом Серафимом подвиг моления его на камнях. Камней, на которых он совершил труд своего отшельничества, было два. Один, гранитный, необыкновенной величины, находился в чаще Саровской, на полпути от монастыря к так называемой дальней пустыньке, где старец жил отшельником. На этом камне старец молился тысячу ночей. Другой камень малый, на котором он молился тысячу дней, был в «ближней пустыньке», где старец проводил дневное время в последние годы своей жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.